

Квест Академия. Магические ребусы

Автор:

Марина Ефиминюк

Квест Академия. Магические ребусы

Марина Владимировна Ефиминюк

Академия МагииКвест Академия #2

Зимние каникулы позади, начинается учебное полугодие! Я составила план и собиралась ему следовать: сродниться с библиотекой, игнорировать чужие подначки, выкинуть из головы одного белобрысого аристократа. Но все опять идет кувырком! Аристократ не желает забываться, новый товарищ по квест-команде раздражает до зубовного скрежета, да еще какой-то шутник присылает тайные магические послания. И как, скажите на милость, сосредоточиться на занятиях, когда так и подмывает либо ребусы поразгадывать, либо эмоциям поддаться?

Марина Владимировна Ефиминюк

Квест Академия. Магические ребусы

© Ефиминюк М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Как?!

Насущный вопрос возник в голове, когда я валялась на грязном половике в загаженной общежитской комнате Дина Дживса с самим Дином Дживсом под боком и снизу вверх таращилась на Илая Форстада. Тот разглядывал нас с каменным лицом, а в светлых глазах горела жажда крови.

Не то чтобы мне когда-нибудь встречались люди, задумавшие двойное убийство, но, полагаю, выглядели они, как Форстад, обнаруживший бывшую подружку и лучшего друга в позе, оставляющей слишком много простора для фантазии.

Если кто не помнит, у него вообще воображение богатое. Жаль, воображается всегда только плохое. Уже второй раз он застаёт меня наедине с другим парнем, и по аристократической роже видно, что придумывает какую-нибудь бесящую гадость. Правда, в начале зимы он нашел меня в компании Вердена Армаса, которого «другим парнем» назовет только идиотка. Но я валялась в обнимку с недоразумением, по какой-то нелепой причине получившим мужское имя и даже родовую фамилию. Проще говоря, недалеко от идиотки ушла.

Кстати... я еще не упоминала, что при оглушительном падении у меня задралась до коленок юбка? Очень выразительно. Приличными словами не опишешь. Надеюсь, что именно их, приличные слова, пытался отыскать в голове Форстад и вовсе не прикидывал, где в завалах приятеля-неряхи хранилось что-нибудь колюще-режущее.

– Мы учили высшую магию! – в один голос выпалили мы с Дживсом, даже не подозревающим, какая любовная драма развернулась у него на глазах.

– Вижу, – нехорошо усмехнулся Илай, не сводя с меня ледяного взгляда. – Не буду мешать.

Он развернулся, намереваясь оставить нас заниматься тем, чем мы занимались: высшей ли магией, неприличными глупостями или просто скоростным лазанием на пузе по захламленной комнатухе.

– Друг, зажги ручку! – крикнул ему вслед Дживс, с трудом поднимаясь на ноги.

Дверь с треском захлопнулась. Со стены печально свесилась кое-как прилепленная цветная гравюра грудастой полуголой девицы в полный рост.

Видимо, категоричный уход означал, что в ближайшем будущем потепления холодной войны с Илаем ожидать не следовало, более того, она перешла на новый уровень заморозки.

– Зажги ручку?! – рявкнула я и резко встала. От движения в ушибленной (во всех смыслах этого слова) голове нехорошо стрельнуло. Комната чуточку пошатнулась. Пришлось схватиться за стул, чтобы снова не оказаться на полу.

– А что они все тут ходят? – возмутился Дживс.

Божечки, он смел возмущаться! Сволочь недоученная! Академические боги, курирующие общагу, где, говорите, в этом бедламе пряталось что-нибудь колюще-режущее?..

Глава 1

Дин Дживс против высшей магии

Утро началось, по обыкновению, с задорной ссоры с кустиком. Как понимаете, ворчала я, а он молчал. Вообще, если мандрагора когда-нибудь огрызнется на брзжание человеческим голосом, то у меня, должно быть, случится остановка сердца.

– Чтобы ты знал, глупое создание, обиженным кустам согревающей растирки не подливают, – бранилась я, собираясь в деканат за расписанием на новое полугодие.

Ужасы экзаменационной декады почти забылись, подошли к концу две седмицы зимних каникул, проведенных в доме Матильды. Начиналось новое учебное полугодие, и мы вернулись в академию Дартмурт.

На приглашение родителей Тильды я соглашалась скрепя сердце – не хотелось обременять хороших людей присутствием чужой девицы. Но, как выяснилось, шумному семейству был не способен помешать даже рейнсверский игуанодон. В огромном особняке в пригороде столицы обитало такое количество представителей славного рода Юри, а в обеденной зале стоял столь длинный стол, что одним человеком больше, одним меньше – никто не считал. И отбивных не жалел. Это был ни больше ни меньше земной ад интроверта-вегетарианца. Окажись Флемминг с нами, точно не выжил бы. Вернее, выжил, но исключительно из ума.

К слову, с того самого дня, как объявили, что Ботаник бросил учебу, я пыталась с ним связаться, но все «приветики» и рассерженные письма уходили в пустоту. Флемм решительно отказывался общаться. Ни одной весточки за два месяца! Надеюсь, он сейчас отчаянно икает. На всякий случай, чтобы прочувствовал мое разочарование, помяну еще разок: Бо-та-ник!

Кусачую флору пришлось взять с собой в поездку, чтобы она, часом, не мигрировала от засухи под кровать и не издохла в темноте, печально забившись в угол. В гостях зубастик вел себя, как, ну, рейнсверский плотоядный куст, забывший, что рискует отправиться на аптекарские снадобья, и был готов оскорбиться любым существом, случайно или специально приблизившимся к горшку. Едва жутко породистый кот одной из тетушек Юри сунулся к цветочному хищнику, как оказался покусанным за нос. Вой стоял, будто бедняге отгрызли хвост и заодно передние лапы!

Я принялась извиняться, каяться и даже поклялась, что залеплю агрессивной рейнсверской поросли пасть, не знаю каким образом, но непременно. Однако хозяин дома притащил целую бутылку согревающей растирки и молча водрузил на подоконник возле стаканчика с кустиком, мол, держи, мужик. Видимо, невинная пушистая жертва оказалась не очень-то невинной, и хозяин дома давно точил на нее зуб, просто кусать кота самому было нелепо.

После тряски в карете и резкого похолодания на улице его зубастое величество пребывало в отвратном настроении. Оно закопалось в ведро с землей по самую корону, в смысле, цветок, сомкнуло пушистые лепестки и не казало клыков, хотя по утрам любило ощериться на скудный солнечный свет в окне.

– Не смей мигрировать за сундук. Застрянешь, вытаскивать не буду!

Кустик нравоучений не оценил и повернулся буравчиком, еще глубже зарываясь в землю.

Я вышла из комнаты и наткнулась на Дина Дживса собственной персоной. В позе уличного хулигана, согнув одну ногу в колене и спрятав руки в карманы, он смело подпирал только-только побеленную стену. Некоторое время мы с одинаковым недоумением разглядывали друг друга. Я-то понимала, почему удивилась появлению главного придурка нашего потока: не ожидала застать его возле «темной башни» главной ведьмы первого курса хранителей, а по какой причине он выглядел озадаченным, оставалось загадкой. Этажи, что ли, перепутал?

– Побелка пачкается, – оповестила я.

– Демоны дери! – Дживс шустро отлепился от стены.

К слову сказать, во время молниеносного ремонта смотритель общежития наконец-то решил проблему с коридорным светильником. Он вытащил крюк и замазал отверстие. Все логично: нет крюка, нет лампы. Проковыряла бы дырочку заново и продолжила непримиримую борьбу со скупердям, но за порчу стен выставляли просто конский штраф.

Пока Дин изворачивался ужом, пытаюсь отряхнуть перепачканный белыми разводами пиджак, я заперла комнату на ключ.

– Ведьма, посмотри: все? – Парень явил измусоленную спину.

– В зеркало посмотришь.

– Какое еще зеркало? – не понял он.

– Которое сам себе наколдуешь.

– Ведьма, стой! – крикнул Дин, когда обнаружил, что никто не собирается до ночи торчать в коридоре, любуясь на его испачканный зад, и прискоком нагнал меня на повороте. Чуть не врезался! Голубь почтовый.

– Что хотел? – спросила, не замедляя шага.

– Дать тебе денег.

От неожиданного предложения я остановилась и с резко возросшим интересом глянула на мецената.

– Предложение, конечно, заманчивое, но не очень понятное. За что ты хочешь заплатить?

Все прошлое полугодие он пытался оттачивать на мне глупое чувство юмора и каждый раз смертельно обижался, когда прилетало в ответ. Может, захотел вернуть авторитет в глазах друзей и приплатить, чтобы я стоически проглотила пару шуточек? Однако Дживс заявил:

– Я провалил вышку...

– Нет! – немедленно догадалась я, к чему клонит закоренелый двоечник, и на подлете отказалась готовить его к пересдаче.

– Что, нет? – моргнул Дин. – Я же еще ничего не сказал.

– И не надо. Найди другого репетитора.

– Это вообще-то непросто!

– Сочувствую, – пожала я плечами и шустренько, стараясь оторваться от преследования, зашагала к лестнице.

Не зря люди в восточных долинах любят приговаривать: не плюй в колодец, пригодится напиться! И вовсе я не злопамятная, просто у меня память... Впрочем, зачем врать? Ужасно злопамятная, особенно когда дело касается столичных снобов, отчего-то считающих себя земной осью.

Дживс, похоже, находился в отчаянии, и это самое отчаяние заставило его преследовать ненавистную ведьму. Не отставая ни на шаг, он принялся давить на жалость, даже голос как будто сделался тоньше:

– Если провалю пересдачу, то меня вышибут. Понимаешь?

– Ага.

– Разве друзья не должны друг другу помогать?

– Друзья, конечно, должны, но мы с тобой не друзья.

На лестнице взмокшие носильщики тащили дорогуший и, по всей видимости, тяжеленный дорожный сундук. Следом, высоко задирая подбородок, шагала хорошенькая ухоженная блондинка в белой шубке. Нам пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить процессию.

– Позаниматься надо всего-то декаду, – пока мы ждали, снова заговорил Дин. – Я буду очень послушным.

– Можешь послушно оставить меня в покое? – по-человечески попросила я.

– Я хочу только тебя!

Блондинка, проходя мимо, презрительно фыркнула.

– Хочешь? – вкрадчиво уточнила я.

– В смысле... Ведьма, ты же гений высшей магии! – принялся льстить Дживс. – О твоём «превосходно» говорили всю экзаменационную декаду. Даже Качок с Очкастой получили «хорошо»!

– У моих друзей есть имена, – недовольно заметила я.

– Обещаю их запомнить.

– Молодец.

– Видишь, какой я послушный.

Мы добрались до холла, где происходило светопреставление. Народ возвращался в общагу после каникул. Тяжелые двери были открыты нараспашку: втаскивали дорожные сундуки, входили адепты, шныряли носильщики. Сквозь дверной проем виднелся заметенный снегом внутренний двор. Снегопад усиливался, и казалось, будто на улице царили грязноватые сумерки.

– Ладно, Дживс, – помедлила я. – Так и быть, помогу.

– Правда?! – Он не поверил своим ушам и правильно сделал.

– Советом.

– Каким еще советом?

– Бесплатным, – нравоучительно, словно отчитывала зубастый цветочек, ответила я. – Повесь объявление, что готов заплатить за уроки. К вечеру возле твоей комнаты выстроится очередь из желающих. Возьмешь Остада, устроите смотрины.

– Два сорима! – перебил меня Дживс, решив удивить ценой.

Нет, конечно, удивил паршивец, но не настолько, чтобы ему помогать.

– Укажи стоимость, очередь вытянется до лестницы.

В холле появился Илай. Кожаными перчатками он отряхнул черное пальто от крупных, быстро тающих хлопьев снега, провел ладонью по светлым волосам, собранным в небрежный хвост. В осанке, развороте плеч, в каждом жесте – во всем ощущалась порода и уверенность. Вернее, бесящая самоуверенность.

Мы встретились глазами. Слабенькое сердечко застучало сбивчиво, словно механические часы перед полной остановкой. Помирать от созерцания бывшего парня-красавчика посреди общежитского холла было глупо. Пришлось напомнить самой себе, что под лощеным фасадом Илая скрывалась столичная принцесса, упертая, категоричная и негибкая, как деревянная линейка моего школьного учителя по чистописанию. За два месяца после финального

испытания у Форстада появлялось не меньше десятка поводов, чтобы помириться, и столько же возможностей поговорить по душам, но он подчеркнуто их проигнорировал.

С нарочито безразличной миной я развернулась на каблуках и твердым шагом направилась к переходу в главный учебный корпус. За спиной прогрохотал восторженный вопль Дживса:

– Форстад, ты вернулся!

Когда я выходила из деканата, с интересом изучая свиток с расписанием, вновь наткнулась на вселенское зло в чистом виде, вернее, в не очень чистом виде взлохмаченного Дживса в перепачканной побелкой одежде. Думала, что он отстал на веки вечные и вернулся к ноге приятеля, а, погляди-ка, опять караулил! Знатно его припекло.

– Ты обещал быть послушным? – процедила я.

– Да, – приободрился он.

– Будь послушным – свали за грань.

– Три сорима за урок!

– И за гранью найди репетитора.

– Четыре! – поднял он цену и неуверенно добавил: – С половиной.

Вдруг я поймала себя на дурацкой мысли, что в некоторых вопросах принципиальность – вещь не только лишняя, но даже вредная. Конечно, Дин Дживс – редкостный придурок, но ведь мне с ним не под венец идти и клятвы у храмовника не произносить. Декаду-то перетерпеть можно, особенно когда за терпение отлично платят, а к весне стоит обновить гардероб...

Обернувшись к парню, я нахально назвала цену:

– Пять с половиной.

– Ведьма, побойся богов! – охнул он, театральным жестом схватившись за сердце. – В столице магистр со степенью берет пять соримов за урок. Да за такие деньги можно самого Армаса нанять!

– Хорошо, – пожала я плечами. – Иди к своему столичному магистру или найми Армаса, но лучше повесь объявление.

Дин пожевал губами. На лбу появились глубокие складки. Ни дать ни взять старик-мыслитель, судорожно подсчитывающий карманные деньги: останется ли что-нибудь на развлечения или придется коротать длинные зимние вечера в общаге, а ужинать в академической столовой, где кормили, мягко говоря, без особенных изысков. Было у меня подозрение, что с арифметикой у парня не лучше, чем с высшей магией.

– Ладно! Пять с половиной! – сдался он и протянул раскрытую ладонь, предлагая скрепить договор рукопожатием. Пока мы трясли сцепленными руками, я с елеинной улыбкой добавила:

– Деньги вперед.

– Каждый урок оплачиваю отдельно.

– Идет, – легко уступила я. – Поздравляю, господин Дживс, вы наняли самого приличного репетитора по высшей магии в Дартмурте и его окрестностях. Начнем сегодня в семь.

– Где?

– Если ты не в курсе, то в академии есть отличное место для занятий, называется зал для самостоятельной работы.

Только попыталась освободиться, как он покрепче стиснул мои пальцы и дернул на себя. Невольно я сделала шаг вперед, а Дживс пробормотал:

– Пока ты только неприлично дорогой репетитор, поэтому за экзамен должно быть не меньше «хорошо». Иначе отец меня четвертует.

– Если не отпустишь, то тебя четвертую я. Совершенно бесплатно.

– Убедила, – наконец пожелал он отцепиться.

Мы мгновенно разошлись в разные стороны. Направление, выбранное Дживсом, заканчивалось комнатой для девочек. Сомневаюсь, что ему действительно захотелось заглянуть в женскую уборную, но кто я такая, чтобы его останавливать.

К вечеру густой снегопад превратился в разгневанный буран. Плачущие окна ослепли, сквозь снежную круговорот пробивались тусклые пятна горящих уличных фонарей. Непогода сорвала планы адептов, желающих отпраздновать начало нового полугодия, и народ оказался заперт в замке. На ужине в столовой, где еду стоило выбирать с большой оглядкой, было, как никогда, людно, ведь даже отчаянные кутилы не рискнули высунуться на улицу.

Тильда опаздывала. Я сумела найти места на уголке общего стола алхимиков и отбивала пустой стул, занятый для подруги. Соседи между тем украдкой подливали в кружки с напитком из боярышника какой-то подозрительный эликсир собственного приготовления. Темный флакон ходил по кругу, а хмелеющие участники тихого праздника воровато озирались по сторонам, проверяя, не засек ли кто-нибудь вопиющее нарушение свода правил академии.

Наконец Матильда появилась в столовой. Она гроыхнула подносом о стол, не уселась, а рухнула на стул и печально вздохнула:

– Бади застрял на постоялом дворе и приедет утром.

– Он прислал записку? – удивилась я.

– Ответил на «приветик».

Подруга продемонстрировала ладонь с размазанными печатными буквами. Надпись гласила: «Утром».

– Ты обвела его ответ чернилами? – изогнула я брови.

– Прочитать не вышло, – мгновенно сжала она кулак, пряча короткое и емкое, как раз в духе Джера, послание.

– Теперь седмицу руку мыть не будешь?

– Ведьма, надо мягче относиться к человеческим слабостям, а Бади – моя главная слабость.

– Я думала, что твоя главная слабость – это плохое зрение, – подколола я, припоминая подруге, что она вечно выходила из себя, если кто-нибудь случайно или специально упоминал про ее очки.

– Бади – моя вторая главная слабость, – с серьезным видом поправила она кругленькие окуляры в широкой черепаховой оправе. – Он же сокровище, а за сокровищем надо следить. Иначе после учебы женится на какой-нибудь Марлис Нави-эрн, придется с горя съесть десять ящиков зефира и потолстеть на три размера.

– А потом закопать обоих на семейном кладбище Юри, – пошутила я.

Ох уж это кладбище! До сих пор без содрогания не могу вспоминать, как во второй день каникул тугоухая бабушка Тильды устроила мне экскурсию: подводила к могилам и подробно рассказывала о каждом усопшем родственнике. На улице стоял скрипучий мороз, птицы замерзали в воздухе (если что, это ирония, но одна ворона действительно замертво свалилась с надгробия). Я не чувствовала ни рук, ни ног, ни лица и присматривала себе уютный клочок в уголке погоста, где собиралась пасть замертво, как ворона. К счастью, появился Геар, кузен Тильды, и спас нас с увлеченной бабушкой от обморожения.

Полвечера он отпаивал меня горячим грогом. Еле-еле до спальни дошла. Три раза с пути сбивалась! Хотя, конечно, опьянение в неожиданном топографическом кретинизме не виновато. В запутанной планировке особняка, подозреваю, разбирался только создавший проект архитектор (утверждали, что ужасно именитый). Семейство и само частенько блуждало по коридорам, особенно блаженная тетушка Юри.

За столом, где сидела шумная веселая компания Илая, раздался взрыв хохота. Мы с подругой невольно оглянулись. Дживс что-то увлеченно рассказывал, размахивая руками, и думать забыл о назначенном уроке. По-хорошему, стоило наплевать и проигнорировать, но я уже мысленно потратила заработанные деньги.

– Только семь, а им уже весело, – проворчала Тильда.

– Уже семь?! – спохватилась я.

– У тебя дела?

– И мне за них хорошо заплатят.

Вытащив из напоясной сумочки пустое самописное перо, я нацарапала на руке коротенький, но многозначительный «приветик»: «Высшая магия!» Обнаружив на внешней стороне кисти неожиданно вспыхнувшее напоминание, Дживс заткнулся и обвел столовую вороватым взглядом. Мы встретились глазами. С мрачным видом я постучала пальцем по запястью, мол, время тикает, складывай хвост, павлин, и несись навстречу знаниям.

– У Мажора сейчас лицо серийного убийцы, – задумчиво вымолвила Тильда. – Страшно спрашивать, но у тебя дела с Дживсом?

– Ага.

– Он пообещал заплатить за свидание?!

– Вроде того, – хмыкнула я. – У него свидание с высшей магией, а я за деньги подрядилась поддержать свечку.

– Постой... – не поверила подруга своим ушам. – Ты согласилась заняться высшей магией с Дживсом?! С парнем, которого на дух не переносишь? Божечки, что делается! Надеюсь, ты потребовала хороших денег за услуги канделябра.

– Более чем.

Едва я поднялась из-за стола и подхватила поднос, как стул незаметно увели. Глазом моргнуть не успела! Сегодня в столовой действовал принцип переполненной станции междугородних дилижансов: пятую точку от сиденья оторвал, место тут же потерял. Теперь даже при большом желании вернуться к трапезе было невозможно, не есть же стоя.

– Встретимся за завтраком, – попрощалась я с подругой. – Удачи.

– И тебе, – согласилась она. – Если в сердцах прикончишь бездарность учебником, то зови. По-дружески помогу спрятать труп в сугробе.

Зал для самостоятельной работы, что не удивляло, окутывали темнота и холод. Занятия в академии начинались только утром, нового зрителя, видимо, еще не назначили, и даже двоечники сегодня устраивали поминки по каникулам, а не готовились к пересдачам. Живое тепло, обогревающее старый замок, не справлялось с ледяными сквозняками, атакующими огромное безлюдное помещение. Дуло безжалостно, хотя я сама видела, как в начале зимы кастаньян заставлял лазать по лестницам и конопатить окна приснопамятных алхимиков, наказанных за взрыв атанора в лаборатории.

От холода магические светляки в световом шаре впали в спячку. Лампу пришлось хорошенько потрясти, чтобы они проснулись. Я искренне пожалела, что не прихватила теплую шаль, и почти ооченела, пока дождалась Дживса. Он вошел ленивой походкой, словно никуда не торопился, приблизился к пустому столу с потрескивающей лампой и разочарованно протянул:

– А конспекты?

– Это я должна была у тебя спросить, – заметила я. – Почему ты с пустыми руками?

– Хочешь сказать, что я плачу, чтобы еще и учебники таскать? – возмутился он.

– Пока что ты мне ничего не заплатил.

Дживс замялся, пожевал губами, почесал бровь. Весь его дурацкий вид говорил о том, что обещанных за занятия денег нет.

– Слушай, Ведьма... – Он полез в карман, вытащил мелочовку и посчитал, перебирая медяшки на ладони. – Давай половину сорима сейчас, а утром остальное.

Считайте меня меркантильной ведьмой, но в денежных вопросах я действительно крайне щепетильна, а раздражаться бесплатно можно и над собственными заданиями.

– Ладно.

– Здорово! – Дживс попытался пристроиться на соседнем стуле. Видимо, рассчитывал, что учебники, конспекты и писчая бумага материализуются из воздуха. Монетки со звоном ссыпались на крышку стола.

Я поднялась и затушила трещавшую, не до конца разгоревшуюся лампу.

– Или не здорово? – не понял парень.

– Раз у нас нет ни учебников, ни денег, то отложим урок до завтра.

– Ты просто так уйдешь? – возмутился Дживс.

– Да, – оглянулась я. – Чего и тебе желаю. Тут холодно, как в склепе...

– В моей комнате! – вскочил Дживс и, получив в ответ вопросительный взгляд, пояснил: – В комнате тепло!

– Предпочитаю греться под своим одеялом.

– А еще там и деньги, и учебники, и вообще...

– Что ты имеешь в виду под «вообще»? – полюбопытствовала я.

– У меня есть стол! – нашелся он и добавил: – Маленький.

– Удачно позубрить.

– Ведьма, это дело жизни и смерти! – заканючил он. – Отец грозил стереть мой портрет с семейного древа, если я вылечу из академии.

– Дживс, прекрати давить на жалость, – проворчала я. – Мы договаривались на высшую магию, о сочувствии речь не шла... Пойдем заниматься, только не скули!

– К тебе, ко мне?

– У меня мандрагора.

– Ты так называешь беспорядок? – блеснул остроумием он.

– Я так называю хищный цветок, который ненавидит гостей.

– Значит, ко мне. – Дин развернулся и немедленно устремился к выходу, потом вспомнил о разбросанных по столешнице монетках. – Деньги забыл!

Вернувшись, он бережно ссыпал медяшки в ладонь и припрятал в карман. В этот трогательный момент у меня появилось смутное подозрение, что я подписалась терпеть придурка в долг.

Дживс жил на пятом этаже, куда обычно селили старшекурсников. Комнаты здесь были побольше наших, но до аристократических хором не дотягивали.

– У меня чуточку не убрано, – сообщил он, отпирая замок и входя.

– Разбросано исподнее? – Я сделала шаг внутрь жилища и, едва не потеряв в липкой подсохшей луже туфлю, судорожно вцепилась в дверную ручку.

Не знаю, что в представлении Дина Дживса считалось бардаком, но, по-моему, его комната представляла собой персональный ад аккуратиста-чистюли. В жизни такого не видела! Если бы мой ненормальный кустик решил в этой комнате мигрировать, пытаясь отыскать уголок свежести, то в завалах исчез бы без следа. Ни одним поисковым заклятием не нашла бы!

Исподнее действительно было разбросано, точнее сказать, развешано: на спинке стула кумачом горели красные трусы в белый горошек. Под кроватью зарастали пылью носки, но, готова поспорить, при желании они вполне могли бы выстроиться в рядок с сапогами. Сбитое комом белье на кровати обнажало полосатый, похоже, привезенный из дома матрац. На учебной парте, не дотягивающей до гордого звания полноценного стола, теснились грязные кружки и всевозможная дребедень, не имеющая никакого отношения к учебе. На стене, со всех сторон стесненный цветными гравюрами полуобнаженных девиц, висел портрет семейства Дживс в полном составе: обалдевшая от возмутительного бардака мать с очумевшим младенцем на коленях, мрачный бородатый отец и пять старших сыновей, выстроенных по росту за спинами родителей. Подозреваю, что нарисованный Дин сам диву давался тому, как его живой оригинал загадил крошечную комнатушку.

– Располагайся. – Не испытывая ровным счетом никакого смущения, неряха собрал со стула трусы и швырнул их в плетеную корзину для грязного белья в углу. К слову, не попал.

– Что-нибудь выпьешь? – Он залез в переносной холодильный ящик и быстренько перечислил: – Имбирный эль, фруктовое вино, что-то коричневое в бутылке.

Если можно, яду или на худой конец капли пустырника. Не имеется? Тогда воздержимся.

– Ты всегда колдуешь на пьяную голову? – хмыкнула я, прикрывая дверь.

– Случалось пару раз.

– Поэтому ты мне платишь за уроки.

– Тогда, может, чаю? Он безалкогольный.

Невольно с подозрением покосилась на стол, где притулились грязные чашки, живо представила, как придется из них прихлебывать чаек, и поняла, что теперь седмицу не смогу смотреть в сторону заварки.

– Что за навязчивая идея меня напоить? – буркнула я.

– Пытаюсь выглядеть очаровательным.

Гостеприимство, конечно, приятно удивляло – никогда не заподозрила бы в первом придурке нашего потока хорошее воспитание, но, коль яда в меню не имелось, хотелось бы выйти из комнаты без тяжелого пищевого отравления.

– Если уберешь стол, то будешь вообще лучше всех, – кивнула я.

Уборка заняла не больше полуминуты. Все, что могло быть сдвинуто, было сдвинуто. Все, что не имело смысла двигать, например, тарелку с присохшим остатком какого-то фрукта, переместилось на подоконник. Последним штрихом скомканную постель накрыло стеганое одеяло.

Полтора часа спустя я была готова выхлебать весь алкоголь из холодильного ящика и даже неопознанную коричневую дрянь в подозрительной бутылке, лишь бы перестало мелко дергаться веко. А еще вывела новый закон мироустройства: если хочешь узнать, что творится в голове у человека, изучи его комнату. Официально заявляю, что в башке у Дживса была помойка и ни одной теоремы из базового курса высшей магии.

Бедняга сопел, страдал и выглядел глубоко несчастным человеком. Я снова и снова ловила себя на мысли, что пришибить его учебником и спрятать тело в сугробе – это не преступление, а высшая форма гуманизма. Добро в чистом виде! Могу поспорить, меня даже в суде оправдают. Жалко, он был выше среднего роста и по виду весьма тяжелый – нам с Тильдой своими силами до симпатичного сугроба никак не дотащить, а Бади застрял на каком-то постоялом дворе и понятия не имел, что я возжелала совершить благородный поступок и избавить Дживса от мучений.

– Слушай, гений, – не удержалась я от резкости, – ты за что платил своему столичному магистру, если даже основ толком не знаешь?

– Кто сказал, что я ему платил? – моргнул он.

– Ты.

– Да я просто расценки узнавал. Глянь: теперь правильно? – Он подвинул лист, и я вздохнула с облегчением. С теоретической частью справились, пришло время закрепить новые знания на практике.

– Перекрашивай в красный цвет, – дала высочайшее репетиторское соизволение начать колдовать по-настоящему.

– Ага.

Дживс размял шею и с серьезной миной принялся водить над каракулями раскрытыми ладонями. Неожиданно посреди листа начал надуваться пузырь.

– Ты что намагичил? – удивилась я.

Ученик убрал руки, а пузырь продолжал расти, словно бумага превратилась в каучук и теперь растягивалась.

– Ложись! – рявкнул бездарнейший из неофитов.

– Туда? – в ужасе ткнула я пальцем по направлению грязного половика, с начала осени не видевшего ни веника, ни заклятия чистоты. Да Дживсу придется меня повалить силой, чтобы я приложилась к этому пылесборнику!

Мгновением позже он свалил меня со стула. Мы с грохотом рухнули на пол. От удара перед глазами заплясали звездочки и что-то нехорошо хрустнуло в несчастном плече, уже пару раз травмированном в прошлом полугодии.

– Какого демона?! – взвизгнула я.

– Молчи, дура!

– Сам ты дура!

Он плюхнул ладонь мне на затылок и силой заставил опустить голову. Щека прижалась к жесткому ковровому ворсу, а взору открылась дивная картина пыльных завалов под кроватью.

– Не шевелись! Сейчас рванет!

В воцарившейся тишине прозвучал тихий хлопок, следом едва слышное шипение. Взрыва не случилось.

– Труп Дживса, да ты, блин, издеваешься! – ругнулась я, сбрасывая тяжелую руку.

И в этот острый момент дверь открылась и в комнату, как к себе домой, вошел Форстад. Он немедленно влип в невидимую лужу и выругался:

– Ты когда-нибудь уберешься в своем гадюшнике?!

Тут взгляд визитера остановился на нас, уютно лежащих в самом эпицентре этого самого гадюшника. Лицо окаменело, а в глазах вспыхнул нехороший огонек. По прошлому опыту знаю, если наедине с парнем я оказывалась в любой позе, кроме вертикальной, то Форстад непременно сочинял возмутительную гадость. В общем, судил о приличной девушке по себе!

– Я, похоже, не вовремя? – буравя меня ледяным взглядом, чрезвычайно мягким голосом проговорил Илай.

– Мы учили высшую магию! – в один голос выпалили мы с Дживсом и одновременно забарахтались, пытаясь подняться.

– Вижу. Не буду мешать, – нехорошо усмехнулся он и развернулся на пятках.

– Друг, ручку зажги! – крикнул ему в спину Дин.

Дверь с треском захлопнулась. Со стены, обнажив клочок каменной кладки, печально свесилась гравюра грудастой полуголой девицы.

– Зажги ручку?! – рявкнула я, вскакивая с половика. От резкого движения в голове нехорошо стрельнуло, а комната зашаталась. Пришлось схватиться за спинку стула, чтобы удержать равновесие.

– А что они тут ходят? – возмутился бездарь.

Стараясь сдержать крепкое слово, я на секунду прикрыла глаза, глубоко вздохнула и досчитала до шести, что в сложившихся обстоятельствах являлось подвигом, сравнимым со спасением мира.

– Попробуем еще разок? – Дин приземлил пятую точку на стул, потом опомнился и суетливо пересел на шаткий трехногий табурет.

– Слушай, труп Дживса, – проговорила я. – Отдай деньги за урок, и на этом закончим.

– На сегодня?

– Насовсем! Я не буду с тобой заниматься.

– А как мне готовиться? – не понял он.

– Найми Армаса!

– Я же для красного словца сказал про Армаса, – простонал Дживс.

– Значит, зубри по учебнику! Или вон, обратись к своему лучшему другу. Он неплохо знает высшую магию.

– Ты что-нибудь слышала о мужской гордости?

– Божечки, удивлена, что ты о ней слышал! – охнула я и протянула руку: – Мои соримы.

Некоторое время он разглядывал раскрытую, как на паперти, ладонь, перечеркнутую чернильным шрамом от самописного пера, шмыгнул носом.

– Ты знаешь, Ведьма... Мне завтра парни должны вернуть должок...

Судя по всему, о мужской гордости он слышал, возможно, даже не раз, но в себе, похоже, никогда не обнаруживал. У Форстада зашкаливала, Дживсу не хватало, им точно следовало по-дружески поделиться.

– И что?

– Возьми сегодня пятьдесят монет, а завтра отдам остальное.

Верхнее веко мелко и неприятно задергалось. Не произнося ни слова, я пересекла комнату, схватилась за ручку и... отчаянно выругалась, выплескивая накопленное за вечер раздражение. Ручка оказалась горячей! Форстад действительно ее зажег. В прямом смысле этого слова.

Глава 2

Кружок войны

На следующее утро из комнаты я выходила с опаской, почти уверенная, что в закутке увижу Дина Дживса с вкрадчивой улыбкой маньяка на физиономии. Ведь закон мироустройства по Анисе Эден гласил: если вечер закончился на грязном половике в комнате первостатейного придурка, то после завтрака жди самопроизвольное явление этого самого придурка под дверь. Он снова начнет умолять заняться с ним высшей магией, а в итоге повозит носом по загаженному коврику под ледяным взглядом своего лучшего друга. В довесок продемонстрирует красное исподнее, развешенное на спинке стула. И все совершенно бесплатно!

Вопреки дурным ожиданиям закуток оказался пуст, зато этаж содрогался от какофонии женских голосов:

– Извращуга! Зачем в открытую дверь подсматривал? Девочки, шваброй его! Шваброй!

На драки я насмотрелась еще в теткиной таверне, где каждый вечер убирала столы и подавала напитки. Неторопливо закрыла дверь на ключ, поправила на плече сумку с учебниками и деловито вышла в общий коридор, в центре которого толпились девицы и кого-то прижимали к недавно побеленной стене.

– Я не подсматривал, а мимо проходил! – провыл пойманный извращенец голосом Дживса.

Вынуждена с прискорбием заявить, что новый закон мироустройства по Анисе Эден действительно работает, как часики с магическим зарядом.

– А зачем остановился, мимо крокодил?! – размахивая домашней туфлей с острым каблуком и розовым пушистым помпоном, взвизгнула худенькая брюнетка в наспех накинутом халате (без помпонов). – Сидел на карачках и тарачился в открытую дверь!

– Что еще за крокодил? Шнурок просто развязался! Дамы, не прижимайте меня к стене, она пачкается!

– Зовите зрителя! – советовали те, кто не принимал активного участия в судилище пойманного маньяка.

Вообще, Дживс, конечно, самый отмороженный из всех известных мне придурков. Кто, спрашивается, потащится с утречка пораньше в женское крыло? В это время этаж похож на поле боя: благовоспитанные адепки, напроць проспав завтрак, истерично собираются на лекции, ругаются из-за очереди в помывочные кабинки и тихо ненавидят экзальтированных девочек-жаворонков, порхающих по комнатам с радостными улыбками. К нам на этаж затесалась таких парочка, саму от их утренней жизнерадостности с души воротило.

С непроницаемым видом я прошагала мимо скандалистов. Староста направляла в грудь Дживсу швабру. На конце черенка потрескивали голубые искры какого-то заклятия. Понятия не имею, что именно она наколдовала, возможно, просто обманку, но именно угрожающая магия заставляла высокого парня цепенеть с видом кота, готового вскарабкаться на стену и повиснуть на лампе.

Естественно, преступник, ищущий пути к спасению, засек меня и жалобно промычал:

– Ведьма, помоги!

– Знакомый? – ошетинились активистки в борьбе за женскую честь и гордость.

– В первый раз вижу, – не сбавляя шага, уронила я.

– Я принес деньги за урок! – с отчаяньем выкрикнула жертва.

Тут же притормозив, я медленно обернулась и с нарочитым удивлением протянула:

– Дживс, ты ли это с утра пораньше кошмаришь приличных девушек?

– Не виноват я, она сама испугалась! – взвыло ходячее недоразумение в штанах. – Еще рогатой тапкой швырнула!

Одинокая домашняя туфелька с острым деревянным каблуком действительно валялась на полу. Вторую туфлю жертва утреннего маньяка нежно прижимала к груди.

– Ты же сказала, что не знаешь его, – с подозрением сощурилась староста.

– Всю жизнь мучаюсь утренними провалами в памяти, – нахально заявила я.

– Да отпусти ты его уже, – задержала ее за рукав поднявшая переполох хозяйка туфелек. – Пусть идет...

Все-таки в дурной молве есть свои преимущества. После случившейся в прошлом полугодии туалетной драки с Амандой-четыре сорима соседки по этажу меня откровенно побаивались.

Староста опустила швабру. Угрожающе трещащие голубоватые искры втянулись в деревянный черенок. Освобожденный Дживс перевел дыхание.

– Но я все равно пожалуйся зрителю! – проворчала она.

– Непременно, – согласилась я. – Заодно скажи, что в закутке кто-то своровал крюк от лампы, а то зритель от меня прячется.

Просьба ни восторга, ни энтузиазма не вызвала. Девушка пожевала губами, подхватила швабру и, гордо фыркнув, удалилась в ближайшую комнату. Мстительницы начали расходиться.

– Тебя тут все боятся, – с уважением прошептал Дин, когда, как на прицепе, шагал за мной по коридору к открытым дверям женского крыла.

– Я над этим долго работала. Ты что-то говорил о деньгах?

– Отдам вечером, – пообещал он. – Сразу за два урока.

– За два? – От невыносимой наглости я едва не запуталась в собственных ногах и притормозила. – Позволь уточнить, что за второй урок и каким вечером?

– Мы в ответе за тех, кого приучили! – немедленно выпалил парень, понимая, что больше никто не собирается его готовить к экзамену.

– Приручили, – поправила я.

– Приучили, – покачал он головой. – От слова «учеба». Понимаешь? Игра слов такая...

– Ладно, гений изящной словесности, если ты не понимаешь намеков, спрошу по-другому. Во вчерашней фразе «я не буду с тобой заниматься» тебя ничего не насторожило? Ни капельки? – Я сложила щепоткой пальцы, пытаюсь образно показать эту самую капельку.

– Да брось, Ведьма, хорошо ведь позанимались, – заканючил он.

– До того, как ты опрокинул меня на грязный половик, или после?

– Обещаю навести порядок! Клянусь, в комнате будет кристальная чистота! – Он прижал руку к груди, словно действительно давал торжественную клятву.

– Просто перейдем на предоплату.

– Это как?

– Нет денег, нет высшей магии. Утром деньги, вечером высшая магия. Мне продолжать, или ты понял общую мысль? И еще, Дживс...

– А?

– У тебя мантия в побелке.

– Демоны дери! – закономерно ругнулся он и пока изворачивался, чтобы кое-как отряхнуть одежду, я сбежала из общежития на занятия.

Первой лекцией в новом полугодии шла философия мироустройства у магистра Хилдиса, испоганившего мне красивый табель паршивым «хо-ро-шо» за экзамен. Он умудрился между слогами написать целых два минуса! Как вспомню, что Дживс-прилипала даже трех слов не промычал, а его незаслуженное «превосходно» украшал жирный восклицательный знак, так хочется заново взломать платную методичку и задаром раздать всему Дартмурту. От души надеюсь, что у магистра действительно еще одна такая имеется.

На занятие я почти опоздала, влетела в кабинет философии на последней минуте и едва не попятилась в коридор, неожиданно обнаружив за партами кучу девушек. В первое мгновение даже решила, что ошиблась аудиторией, но увидела на втором ряду Форстада. Он сидел в компании страшненькой блондинки, с которой мы вчера столкнулись на лестнице, пока я тщетно отбивалась от прилипалы Дживса. Ладно, зачем врать? Блондинка была недурна собой, даже чересчур недурна. А для первой лекции вообще выглядела преступно хорошо.

Кажется, вчера секретарь декана говорил что-то о совместных лекциях с факультетом общей магии, но он бормотал себе под нос, не поймешь: мантру читает или комментарии по расписанию выдает. Видимо, придется лицеизреть бывшего парня в компании этой блондинки до конца полугодия. Если, конечно, я кого-нибудь из них не угрожаю еще на первом занятии.

Из вредности уселась ровнехонько перед парочкой. Пусть всю лекцию любуются на мой затылок! Не успела поерзать на стуле, как Форстад промурлыкал, не пытаясь скрыть иронии в голосе:

– Любимое место, Эден?

– Сам постеснялся сесть? – оглянувшись, мило улыбнулась я.

Место действительно было замечательное: с первой парты открывался превосходный вид на грифельную доску и преподавательскую кафедру. Сиди и разглядывай лощеную физиономию Хилдиса, сколько душевнее угодно. А еще в конце осени, не помню, в какой именно день, но, очевидно, получше, чем сегодняшний, Форстад усадил меня на этот самый стол и минут пятнадцать, путаясь в ученических мантиях, мы предавались умопомрачительным глупостям, совершенно недостойным этих самых мантий, и с остротой понимали, что в любой момент в кабинет философии могли заглянуть. Подозреваю, вышел бы славный скандал, и нас снова превратили бы в героев графического романа.

– Как вчерашний урок высшей магии? – спросил он.

– Как видишь, закончился.

– Дин остался доволен? – изогнул бровь Илай.

С ума сойти! Уверена, это самая длинная беседа из тех, что мы вели за последние два месяца!

– Ревнуешь? – Я с наслаждением проследила, как заledenели светлые глаза.

– Сомневаешься? – копируя мой тон, протянул он и нарочито небрежным жестом накрыл широкой ладонью пальчики соседки.

Клянусь, мы обе едва не скончались! Она от неожиданного счастья, я – от удушающей злости. Теперь мне было известно, что чувствует человек на пороге двойного убийства. Надо бы запастись лопатой на тот случай, если Форстад заведет настоящую подружку. Я буду искренне желать им счастья, закапывая обоих на каком-нибудь заброшенном кладбище...

В кабинет вальяжной походкой, никуда не торопясь и не следя за временем, вплыл довольный жизнью и, по всей вероятности, вкусным завтраком магистр Хилдис. Своим явлением он спас меня от ссылки в Рейнсвер за кровавую

расправу над сыном высокопоставленного мага и приبلудной блондинки, вообще не понимающей, в какой замес попала, просто пристроив пятую точку на стул возле моего бывшего парня.

Лекция началась. От обычного мироустройства предмет отличался лишь тем, что нам предстояло целое полугодие читать о постулатах кучу невнятных сочинений философов, чьи потемневшие от времени пыльные портреты рядом висели на выкрашенной стене кабинета.

– К сожалению, я не успел закончить методичку с лекциями по философии мироустройства, – объявил магистр. – Она будет готова только к следующему году и сильно облегчит жизнь вашим коллегам. А вам...

Просто придется жить с этим знанием и мечтать когда-нибудь в другой жизни ее взломать.

– Придется записать перечень рекомендованных к прочтению сочинений.

Ну и это тоже.

К концу занятия рука устала пополнять этот самый перечень с непроизносимыми названиями и в самописном пере начали заканчиваться чернила. Пожалуй, если весь список употребить внутрь (не съесть, конечно, а изучить), то у нормального человека, не страдающего никакими душевными болезнями, случится заворот мозгов.

– Друзья мои, подискутируем на тему, какие законы общества, помимо «не убей» и «не укради», стоило бы приравнять к постулатам, – предложил Хилдис и сложил руки на груди, ожидая оживленных обсуждений.

Народ замялся. В аудитории повисло настороженное молчание: кому не повезет первому шевельнуться и привлечь внимание магистра? На мой взгляд, требовать от адептов здравых рассуждений, когда одна половина группы левым глазом спала, а другая половина – правой ногой стояла в очереди за стаканчиком бодрящего напитка, отдаленно напоминающего кофе, являлось верхом издевательства.

Был бы Ботаник с нами, пришел бы от задания в восторг. Подозреваю, что он давно написал собственный философский трактат, просто до поры до времени стеснялся явить сочинение миру. Но Флемм бросил учебу, оставил команду обездоленной, а академию без умопомрачительных теорий о мироустройстве.

– Не заводи отношений с врагом ближнего своего, – в тишине проговорил Илай.

Простите?! Это был даже не булыжник, а осколок скалы, брошенный в мой огород. Я буквально услышала, как под весом каменной глыбы к рейнсверским демонам развалился хлипкий плетень. Как не дернуть глазом?

– Я придумала еще один постулат, – выпалила на одном дыхании. – Доверяй ближнему своему!

– Умные люди говорят: доверяй, но проверяй, – парировал Форстад.

– А еще умные люди искренне сочувствуют моральным калекам с проблемой доверия, – огрызнулась я.

– Моральным калекам? – вкрадчиво повторил он и очень чувствительно ткнул кончиком самописного пера мне между лопаток.

Подпрыгнув от неожиданности, я резко обернулась и встретила с тем самым особенным взглядом светло-серых глаз, который был способен заморозить на лету ворон и бумажные птички-записки. От всей напряженной фигуры Илая исходил ледяной холод. Странно, что стол и блондинка, по какой-то мне совершенно не понятной причине приснувшая в кулачок, не покрылись инеем.

– Кое-кто склонен верить тому, что увидел собственными глазами, – угрожающе высказался он. – И не раз.

– Кое-кому не мешает купить очки, потому что у него не только проблемы с доверием, но еще со зрением и восприятием окружающего мира! – разозлилась я, а блондинка захихикала. – Что смешного мы сказали?

– А? – встrepенулась она, кажется, догадываясь, что Ведьма Эден мысленно достала из чулана лопату и приготoвилась прорубить могилу в промерзшей

земле.

– Молодые люди, я рад, что вы приняли близко к сердцу мое предложение подискутировать, но какое отношение к постулатам имеет затронутая вами тема? – вставил несколько озадаченный Хилдис в возникшей острой паузе.

– К слову пришлось, – разрывая зрительный контакт, ответил за нас обоих Илай.

Я отвернулась, чувствуя себя ни больше ни меньше рейнсверской мандрагорой, готовой покусать любого, кто случайно или специально вторгнется в мое личное пространство.

– Господа адепты, не бойтесь высказываться! Сейчас живо обсуждается указ о полном запрете черной магии. Может быть, кто-то считает, что закон стоит приравнять к постулатам? – попытался приободрить аудиторию Хилдис, но песочные часы, отсчитывающие время занятия, рассыпались золотистыми искрами, и прозвенел переливчатый колокольчик. Лекция закончилась. Уверена, теперь все сломают головы, по какой причине Ведьма погрызлась с главным красавчиком нашего потока.

– Друзья мои! – остановил Хилдис поспешные сборы. – В конце учебной декады жду от вас эссе на тему новых постулатов.

Народ зашелся недовольным гудением: учиться толком не начали, а уже письменные задания получаем.

– Удачи в новом полугодии! – пожелал магистр напоследок.

– Эден! – рявкнул мне в спину Форстад. Доругаться, что ли, желал?

– Свали за грань! – Я выскочила из проклятущего кабинета, где мы когда-то с упоением целовались. Впрочем, еще заодно грызлись, выясняли отношения и даже расстались. Дурное, в общем, место. «Превосходно» за экзамен здесь точно не получишь. Надо бы достать храмовой водички и попрыскать углы.

Через пять минут я стояла в холле под доской объявлений, ежилась от сквозняка, налетающего каждый раз, когда открывались тяжелые высокие

двери на улицу, и изучала новый список нашей команды. Могу с уверенностью заявить, что торгош Хилди полностью прав: удача нам не помешает!

Джер Бади.

Матильда Юри.

Аниса Эден.

Дин Дживс...

Почтовый голубь оказался в нашей компании победителей! Видимо, меня настигло птичье проклятие. Я поморгала, надеясь, что имя само собой изменится. Не помогло. Со зрением у меня всегда был полный порядок, в отличие от Матильды, без очков не видящей дальше собственного носа. Впрочем, носа тоже не видящей.

Коэл Брокс.

А другое имя, оказывается, имелось. В отряде непримиримых друзей прибыло. С другой стороны, чему удивляться? Никто не позволит нам проходить проверочные испытания в квест-комнатах впятером. Особенно когда пятый – это сущая бездарность Дин Дживс! Божечки, как о нем подумаю, так сразу вспоминается грязный ковер и очень хочется почесаться.

Илай Форстад.

Перед мысленным взором вновь появилась каменная физиономия столичной принцессы, препарирующей меня острым как бритва взглядом и тонко намекающей на то, что ему изменили с Армасом.

Не колеблясь ни секунды, я вытащила из напоясной сумки самописное перо, встала на цыпочки и накорябала рядом с фамилией обидное «младший».

– Уверена, ты в курсе, что за порчу официальных приказов отправляют на отработку, – раздался за спиной ехидный голос Тильды.

– Это не порча, а восстановление справедливости, – буркнула я, закручивая колпачок пера.

– Слушай, борец за добро и справедливость, ты знакома с Броксом? – Подруга кивнула на список.

– В прошлом полугодии у нас не совпадали лекции, – покачала я головой.

– Спрошу у Бади, – решила она, будто молчун Качок действительно пустился бы в пространные размышления о новом составе команды. На слова Джер Бади был исключительно скуп и вряд ли за две седмицы превратился в невозможного болтуна. Подозреваю, максимум, что она добьется от него – это лаконичное «да» или категоричное «нет», без каких-то комментариев.

– Он приехал?

– И уже вкалывает в спортивном зале. Собираюсь с ним поздороваться. Думаю, он страшно соскучился.

– Вряд ли.

– Он просто об этом не знает, – хмыкнула Тильда.

Коридоры Дартмурта бурлили, воздух дрожал от какофонии голосов, а под высокими потолками мельтешили нервные птички-записки. Неудачливая бумажная летунья вмазалась в один из трех стягов факультетов, свисавших с потолка, и сверзилась Тильде на голову.

– И даже не к деньгам! – ругнулась подруга, суетливо поправляя скособоченные очки.

Между тем бумажный «гонец» вострепнулся, подскочил в воздух и принялся кружиться над нами. Стоило поднять руку, чтобы поймать записку, как она немедленно, словно издеваясь, взмыла к стягам и отлетела, подхваченная сквозняком. Возможно, отправитель рассчитывал, что получатель, задыхаясь от любопытства, начнет подпрыгивать и с азартом ловить ускользающее послание, как маленькая собачонка – бабочку.

– Ты ждешь писем? – уточнила я у подруги, рассматривая зарвавшееся письмецо.

– Не-а.

– Я тоже.

Щелчок пальцами, и птичка превратилась в растаявший без следа пепел.

– Мне пора на высшую магию, – начала прощаться я.

– С Дживсом? – уточнила Тильда, весь завтрак хохотавшая над моими жалкими потугами вбить в бездарность основы сложного предмета.

– С Армасом.

– Тогда почему к нам на полных парусах мчится Дин? – ухмыльнулась она.

Я даже оборачиваться не стала, сразу рванула к лестнице, рассчитывая затеряться в толпе, а не объяснять кошмару любого репетитора, что не собираюсь с ним заниматься. Особенно бесплатно.

Дживс нагнать меня не сумел, зато нашла новая бумажная птичка. И опять на высоте прыжка. Только я собралась развеять записку по ветру, в смысле по воздуху, как она вмазалась в арку и, мигом растеряв магию, упала прямиком в руки. Даже напрягаться не пришлось. На ходу развернув коротенькое послание, написанное кривоватым почерком с мелкими завитушками, я почувствовала, что от удивления брови поползли на лоб.

«Команда! Общий сбор после занятий в аудитории № 11 главного учебного корпуса! Коэл Брокс».

Он в своем уме?

– Ну да, бегу и теряю по дороге туфли. – Без зазрения совести я скомкала листик и бросила себе под ноги. Бумажный шарик стремительно съежился, почернел и, не достигнув пола, с тихим хлопком рассыпался почти незаметной пылью.

В кабинет, пропахший острым запахом высшей магии, я вошла за несколько минут до начала занятия. К счастью, преподавательская кафедра еще пустовала. В новом полугодии состав группы полностью поменялся, все расселись, но мое обычное место, что характерно, никто не занял. Видимо, народ отпугивала красноречивая надпись «ведьма» в самом центре столешницы. За столом, где раньше занимался Илай, уронив голову на сложенные руки, сладко дремал другой парень.

– Адептка Эден, ошеломлены выбором места? – раздался за спиной резкий голос Армаса.

– Извините, – пробормотала я, тут же пошагав по проходу, потом помедлила, оглянувшись и добавила: – Здравствуйте, магистр.

– Доброе утро, – произнес он, глядя куда-то поверх моего плеча. – Адепт Корви-эРН! Я пожелал вам доброго утра!

Спящий эртонец вскинулся, захлопал красными глазами, спросонья не понимая, где находится, и вытер рот рукавом мантии. Поперек щеки у парня красовался красный след.

– Счастлив, что вы с нами, – объявил магистр, определенно пребывающий в отвратительном настроении, и начал раскладываться, словно не замечая, что в кабинете воцарилась почти мертвая тишина. Адепты боялись не то что шевелиться, даже дышать.

К слову сказать, с магистром мы больше не являлись товарищами по команде. Это обстоятельство, конечно, усложняло жизнь, но не расстраивало. Армас привлекательный мужчина, даже на взгляд бывшей подавальщицы из провинциальной таверны, а пополнять слухами богатую копилку Дартмурта, тем более становиться главной героиней нового графического романа за придуманную интрижку с преподавателем, у меня не было никакого желания.

В начале зимы он случайно узнал о моих астральных перемещениях по коридорам замка и пообещал помочь избавиться от странного недуга, но единственный урок по ментальной магии закончился безобразной сценой с Илаем. После двух седмиц душевных терзаний я решила отказаться от занятий и, издыхая от неловкости, будто что-то должна магистру, вернула книгу о

раздвоении сознания. Думала, он потребует объясниться, но Армас не задал ни одного неудобного вопроса и с подчеркнутой холодностью забрал фолиант. «Хорошо», – не поднимая глаз, кивнул он. С нервирующим наставничеством было покончено, но и недуг полностью отступил, словно я никогда не перемещалась в пространстве.

Полугодие удалось закончить без дурацких приключений и с хорошими баллами. Правда, экзамен Армас превратил в натуральное чистилище. Наверняка даже в Рейнсвере в окружении плотоядной флоры и кровожадной фауны оказалось бы не так опасно, как перед магистром, сыплющим вопросами, заданиями и ехидными замечаниями. Как вспомню, так вздрогну. И это не фигура речи! По спине бегут мурашки, и хочется почесаться. Зато теперь ни одна сволочь в академии, даже самая завистливая, не посмеет намекнуть, будто Аниса Эден пользовалась преподавательским расположением и незаслуженно получила «превосходно» по высшей магии.

Юркнув за стол, я вытащила учебник и конспект. Шуршание казалось кощунственным, но тише, пожалуй, устраивалась бы только мышка.

– Если все проснулись и наконец выбрали себе стол, – Армас полоснул острым как бритва взглядом, словно пытаюсь ментально разрезать пространство и открыть портал, – начинаем лекцию.

Он перевернул песочные часы, вспыхнувшие золотистым светом. В замке сам собой три раза провернулся ключ, запирая кабинет изнутри, а по грифельной доске затанцевал меловой стержень, выводя тему занятия.

И, казалось бы, бумажной птичке в закрытую аудиторию никак не проникнуть, но она просочилась в щель под дверью и, похожая на коршуна, начала нарезать круги над моей головой. Один, второй, третий. Медленные, размашистые, настойчивые. Только слепец не заметил бы записки, а Армас видел превосходно. Он прервался на полуслове и некоторое время наблюдал за посланницей. Суровый взгляд переместился на меня.

– Какое счастье, что бумажные птицы не гадают, – со знанием дела протянул он, и группа, с трудом сдерживающая смешки, разразилась облегченным хохотом, точно хлопнула шутиха и всех попустило. – Адептка Эден, поймайте записку.

– Она не моя, – спокойно отказалась я от любых притязаний на кружащий над головой раздражитель.

– Но поймать придется, – настаивал он, хотя был способен одним движением брови превратить птичку в ничто. Кто-кто, а магистр высшей магии мастерски умел пользоваться сложным заклятием разрушения.

– Можно ее спалить? – попросила я.

– Тогда вы не сможете ее зачитать, и мы умрем от любопытства.

Не надо – не умирайте. Иначе крошечная записка от Коэла Брокса войдет в учебники по истории как оружие массового уничтожения, убившее уважаемого магистра и группу неофитов, а ее создателя пафосно причислят к маньякам тысячелетия (уж об этом я позабочусь).

Стоило встать и протянуть руку, как птичка закономерно вильнула в высоту. Народ прыснул смехом. Я бросила на магистра быстрый взгляд. С непроницаемым видом, сразу и не скажешь, что мысленно потешался над бедной адепткой, сложив руки на груди, Армас следил за охотой на птиц. Он выгнул бровь: ловите, Эден, ловите; не стесняйтесь, так сказать, применять акробатические трюки.

– Я могу поймать, – вызвался эртонец.

– Спите дальше, адепт Корви-эрн, – намекнул магистр, что развлечение исключительно для нерасторопной дамы, отвоевавшей на экзамене высший балл.

Подпрыгивая с вытянутой рукой, я чувствовала себя полнейшей дурой и тихо ненавидела инициативного кретина, отправляющего записки, магистра, превратившего меня в главную шутку занятия, глумящихся одноклассников и заодно белобрысого придурка с фамилией на литеру «эф». Если что, последний просто под раздачу попал.

– Ведьма, прыгай выше, – посоветовал кто-то.

Разозлившись, я щелкнула пальцами, птица вспыхнула ярким пламенем, заставив аудиторию испуганно охнуть, и развеялась в воздухе.

– Простите, перепутала заклятия, – нахально заявила я, вперив в Армаса прямой немигающий взгляд.

– «Отвратительно» за сегодняшнее занятие, – спокойно объявил магистр. – Садитесь.

Я не сдвинулась с места и по-прежнему стояла в проходе.

– Будете заниматься стоя или не согласны с моим решением? – вкрадчиво уточнил Армас.

– Не согласна.

Следом за тихим вздохом ошеломленных зрителей по кабинету разнесся переливчатый сигнал об окончании занятия, похожий на треньканье маленького колокольчика.

– Все свободны, – объявил Армас и бросил на меня хмурый взгляд. – Адептка Эден, подойдите.

Собрав вещи, я направилась к преподавательской кафедре. В коридор, перешептываясь и оглядываясь, потянулся народ. Пришлось дожидаться, когда кабинет опустеет. Дверь сама собой захлопнулась, и грохот отразился от стен.

– Я ставлю вам еще одно «отвратительно», – объявил Армас в тишине.

– За что?

– За дерзость. Есть вопросы?

Воспитавшая меня тетка Надин любила приговаривать, что наглость – второе счастье. Раз заработала шальной кол за дерзость, так грех не воспользоваться.

- Есть, – спокойно кивнула я. – Как мне отработать «отвратительно»?
- Хотите отработать только одно? – с деланным удивлением уточнил он.
- Первое вы поставили незаслуженно.
- Вы перепутали заклѣтия, – напомнил Армас.
- Какие? – быстро спросила я.

На справедливый вопрос у Армаса ответа не нашлось.

Неожиданно на привлекательном лице мужчины расцвела улыбка, на щеках появились преступно-милые ямочки.

- Победила, – проговорил он.

Аудиторию я покидала с заданием просчитать заклятие для обездвѣживания зачарованных предметов и большим желанием прикопать Коэла Брокса. Приобретение лопаты было решенным делом. Не рыть же могилки совочком для рыхления почвы в ведре у кусачего кустика.

В коридоре меня нагнала очередная записка. Не пытаюсь изображать из себя благородную девицу, какой и в лучшие дни не являлась, я сбила птичку учебником по высшей магии и не пожалела перемены на колдовство.

Тот, кто утверждал, будто бумажные птицы не гадили, просто не умел их правильно, с огоньком и воображением, зачаровать! Я выплетала заклятие от души, вкладывая в каждое слово накопленное раздражение. Под конец перерыва птичка, словно комета с черным хвостом, заскользила под потолком в сторону Коэла Брокса. Лучше бы новенькому владеть высшей магией ловчее Дживса и уничтожить послание еще на подлете, ведь от воды липкий пепел приобретал ярко-синий цвет и оттирался только эликсиром для смывания стойких чернил. Простите все, на кого он попал случайно!

О восхитительном в своей мерзости заклятии я узнала еще в школе. После эксперимента три дня пыталась отскрести руки и поклялась использовать

только на кровных врагах. Коэл Брокс обладал поистине впечатляющим талантом бесить и еще до официального знакомства умудрился перейти в категорию таковых. Но знаете, что самое интересное? Непрозрачный намек притвориться тенью, не умеющей держать в руках самописное перо, он понял только со второй возвращенной записки! Потрясающая незамутненность.

Последняя лекция по истории проходила в соседнем корпусе, где обычно занимался факультет общей магии. Тильда и Бади уже сидели в центральном ряду, подальше от преподавательской кафедры. Не успела я поздороваться со здоровяком и пристроиться на широкую скамью, как подруга с нажимом спросила:

– Сколько?!

– Чего? – осторожно уточнила я и присела на самый край во избежание, так сказать. У Матильды торчали в разные стороны косы, а очки воинственно блестели – очень плохой знак.

– Сколько это чудо от слова «чудовище» прислало тебе писем?

– А, ты об этом... – расслабилась я. – Пять.

– Всего-то!

– Считаешь, мало?!

– Шестнадцать штук! Он шестнадцать раз объявил, что ждет нас после занятий! – прошипела Тильда. – Клянусь, он сжует каждую проклятую бумажку и проглотит без воды!

– А тебе? – спросила я у Бади.

– Не считал, – коротко ответил он, но на лице вдруг дернулся мускул.

Что сказать? Истинный талант! Довести до нервного тика нашего непрошибаемого здоровяка надо уметь! Невольно я оглядела аудиторию на предмет свободных мест. Если вдруг в середине занятия у Джера сдадут нервы

из-за какой-нибудь ерунды, скажем, в самописном пере не вовремя закончатся чернила, то произойдет большой взрыв. В этом случае предпочитаю находиться подальше от эпицентра, чтобы выжить...

– Как тебе удалось остановить почтовый апокалипсис? – с упреком в голосе, словно от нее скрыли какой-то очень важный секрет, спросила Матильда.

– Дала понять, что не стоит впустую тратить бумагу.

– И недоделанный почтальон послушался?

– Ты знаешь, я умею быть убедительной.

– Что ты сделала? – несколько поостыла подруга.

– Наслала проклятие городских голубей, – туманно пояснила я, но тут же мстительно добавила: – Очень прилипчивых, непуганых голубей.

По всему было заметно, что Тильду распирало от любопытства, но в лекционном зале появился магистр истории. По рядам прокатилась последняя судорога шепотков и наступила выжидательная тишина. Преподаватель не обращал внимания, если кого-то из слушателей усыплял его монотонный голос, даже позволял сладко подремать, но не выносил разговоров в аудитории. Все должны были дрыхнуть в гробовой тишине! Не дайте боги всхрапнуть. Поприветствовав адептов, он перевернул магические часы и начал лекцию по истории разломов.

Вопрос о том, идти на общий сбор или на обед, не стоял. У каждого из нас имелись причины, чтобы лично познакомиться с парнем, сумевшим напрямь даже невозмутимого Бади. Подозреваю, новенький того и добивался.

В небольшой аудитории, где у факультета общей магии, если верить латунной табличке на двери, проходили занятия по заговорам, столы были сдвинуты к стене, а в центре расставлены кружком шесть деревянных стульев.

– Присядем, – воинственно процедила Тильда.

Ожидая явление Коэла Брокса во всей красе, мы расселись. Вернее, я ожидала его увидеть во всей красе, а Тильда, подозреваю, задумала натравить Бади и скормить записки. Одну за другой, без воды.

Дверь отворилась. Не сговариваясь, мы выпрямились на стульях, но в аудитории появился Илай. Он успел избавиться от мантии и являл собой образчик модника, одевающегося у лучшего портного столицы. В его руках был увесистый учебник по философии.

– Это что за кружок дружбы? – удивился вновь прибывший.

– Мажор, сколько тебе прислали записок? – без приветствий рявкнула Матильда.

– Ни одной, – отозвался он. – Брокс пригласил меня лично.

– И поэтому ты явился? – фыркнула она.

– Нет. – Он приблизился ко мне и протянул книгу: – Эден, ты забыла на философии.

– Спасибо, – буркнула, не поднимая головы, и забрала книгу.

Божечки, надо быть такой дурой? Утром я решила, будто он хочет насладиться очередным скандалом, даже злорадствовала, что лишила Форстада удовольствия, а оказалось, учебник – растеряха – забыла.

Обменявшись с Бади дружеским рукопожатием, Илай занял один из свободных стульев: расслабленно вытянул ноги, скрестил руки на груди. Устроился как раз напротив меня и теперь не спускал странного взгляда.

– Останешься? – удивилась Тильда.

– Разве можно пропустить общий сбор команды, скажи, Эден?

– Ты видел Брокса? – вскинулась я.

– Столкнулись в общаге... – с трудом сдерживая ухмылку, кивнул он.

Дверь открылась. Все приготовились к явлению энергичного почтальона, но в кабинет вошел Дживс. Не обращая внимания, что к нему оглянулся целый квартет, он выпалил:

– Ведьма! Попалась!

– Даже не начинай, Дживс! – отрезала я.

– Ты должна мне помочь! – настаивал он.

– Из нас двоих именно ты мне должен, – огрызнулась я. – Денег за уроки!

– Какие высокие отношения, – издевательски протянул Илай.

– Подождите с отношениями! – сквозь зубы процедила Матильда. – Дживс, сколько он прислал тебе записок?!

– Кто? – даже притормозил Дин.

– Рейнсверский крикун, демоны его дери! – разъярилась она. – Зануда Брокс!

– Не понял: крикун, зануда или Брокс?

– Просто забудь, – прикрыла глаза Тильда, видимо, мысленно стараясь досчитать до десяти, но вдруг снова ошетинулась: – И что, вообще записок не было?

Дживс обвел нас непонимающим взглядом:

– Откуда я знаю? Мне все время пишут. Приходило что-то.

– Тогда как тебя загнали на наши посиделки? – не унималась она, начиная подозревать, что новенький доставал только нас, а неприкосновенных беспокоить побоялся.

– А где еще поймать Ведьму?

Он шустренько плюхнулся на стул рядом со мной и широко расставил ноги.

– Штаны жмут? – с намеком, что неплохо было бы занимать места поменьше, недовольно покосилась я на худые ноги, обтянутые узкими, по последней столичной моде, порточками.

– Прости, – пробормотал он, с трудом сводя колени, и заерзал на стуле в поисках удобной позы. Штанины-стручки действительно жали, а ноги, как два однополярных магнита, стремились оттолкнуться и разойтись в разные стороны.

– Какая чудесная дрессировка, – едва слышно процедила Тильда и разразилась возмущенной тирадой: – Не пойму, он слал записки только мне? Потому что я в очках, да? Скажите, да?! Думал, если я в очках, то не прочту с первого раза?!

За разговором мы не заметили, что в помещение неслышно проник еще один человек. Высокая фигура, закутанная в широкий черный плащ с глубоким, закрывающим лицо капюшоном, возвышалась на пороге. Казалось, что он вынырнул из воздуха. С изумлением мы наблюдали за неподвижным пришельцем и ждали, когда он пошевелится, подаст какой-нибудь знак... Ну или просто подаст голос.

– Изображаешь королевского палача? – громко спросила Тильда.

– Прежде чем я навсегда покину вашу команду, – прозвучало приглушенное плотной тканью приветствие, – ответьте на вопрос...

Он стянул с головы капюшон. Зачесанные назад волосы были ярко-синими, только на висках колосились светлые жиденькие бакенбарды. Худое блеклое лицо с большим носом, торчащие большие уши и даже шею с выпирающим кадыком покрывали такие же синие кляксы.

– Чем это отмыть?! – с истеричными нотами спросил он.

Новенький отчаянно напоминал пятнистого рейнсверского папеля, демона, похожего на маленькую собачку с сине-желтым окрасом, страшно прожорливого

и хищного, просто хуже скиффолса, но я его узнала. В смысле, парня. С папелем, слава богу, познакомиться не посчастливилось, только в столичном зоопарке со стороны посмотреть, а с Броксом в прошлом полугодии у нас совпадали занятия по боевой магии, положив руку на сердце, мало отличавшиеся от посещения зверинца. Долговязый парень обычно трусил по беговой дорожке вместе с Ботаником, вернее, перед ним – за счет длинных ног. Может, еще являлся почетным членом исторического клуба.

– Узнаю почерк... – ошарашенно проговорила Тильда.

– Приятель, ты точно не затеряешься в толпе! – Дин не удержался и захохотал, как буйнопомешанный в стадии острого обострения. Схватился за живот, согнулся пополам, потом подавился, закашлялся. В общем, Дживс всегда оставался таким Дживсом.

– Божечки, мне даже злиться за шестнадцать записок неловко, – проговорила Тильда.

– Смешно вам? – обиделся Коэл. – Между прочим, эта гадость не оттирается!

– Эликсиром от водостойких чернил должна, – подсказала я.

Пострадавший впился в меня ненавидящим взглядом:

– Мне придется выкупаться в эликсире!

– Подсказать адрес алхимической лавки, где его продают в разлив? – изогнула я брови.

– У меня начинается удушье на любые эликсиры! – обвинительно воскликнул он.

– Ну... сочувствую.

– Извиниться не хочешь? – Коэл помахал рукой у себя над головой, давая понять, что возмущен фантастической окраской волос.

– А ты? – быстро спросила я. – Полагаешь, что закидывать народ записками отличная идея? Из-за твоих выкрутасов меня наказали дополнительным заданием по вышке.

– Опыт показывает, что после одного объявления на сбор никто не приходит, – проворчал он.

– С ума сойти, он такое уже проделывал! – охнула Тильда, не обращаясь ни к кому конкретно. – И кости все еще целы. Везунчик!

– Кстати, товарищ по команде, ты зачем вторую записку прислал? – полюбопытствовала я. – Первой не хватило?

– Спрашивал, как отмыться! Считаешь вот это – адекватным ответом? – скривил он физиономию в премилую крапинку.

– Вполне. Ковыряться с расчетом мне придется дольше, чем тебе отмываться.

В кабинете повисла выжидательная пауза. Новенький шумно сопел, видимо, пытаюсь придумать, как переговорить девицу, известную ершистым нравом, и не заработать новую гадящую птичку. Я скрестила руки на груди и молилась богам, чтобы появился повод заставить посиневшее чудо от слова «чудовище», как точно подметила Тильда, сжевать хотя бы одну записочку, пусть и самую маленькую. Ладно, согласна на половинку, но тогда точно без воды!

– Форстад, согласись, что слушать, как Ведьма ругается с кем-то другим, – это музыка для ушей, – чрезвычайно громко зашептал довольный, словно зацветший арауст, Дин в сторону лучшего друга.

– Не оглохни, меломан, – буркнула я.

– Как тебя люди выносят? – невпопад огрызнулся Коэл, словно догадавшись, что рисковал оказаться накормленным бумагой, и обвел ребят возмущенным взглядом: – Как вы ее выносите?

– Вообще, мы ее обычно не выносим, она сама неплохо ходит, – ответила Тильда и обратилась ко всем сразу: – Если мы закончили знакомиться и не собираемся

устраивать групповые чтения, то давайте свернем кружок войны. Очень есть хочется.

Подруга резво поднялась, следом Бади. Я задерживаться тоже не собиралась, повесила на плечо сумку, зажала под мышкой учебник по философии и напомнила себе, что для бывшей подружки таращиться на Форстада – это дурная примета. Личная жизнь никогда не наладится.

– Добро пожаловать в команду, – уронила Тильда, проходя мимо новенького, несколько ошарашенного сплоченным побегом. – Кстати, плащик оставь, на весенний праздник грозятся устроить маскарад.

– Вы что... – запнулся Коэл. – Вы все запросто уйдете?

– У Бади режим питания, – объявила она, давая понять, что остановить здоровяка от похода в столовую способен только перелом ноги, да и тот ненадолго.

– А как же мебель? Ее надо расставить!

– Кто перестановку затеял, тот ее и заканчивает, – объявила я главный постулат мироустройства в нашей компании. К слову, правило почему-то никогда не работало, но звучало на редкость обидно.

– Но мы же команда! – возмутился он.

– Синий, ты же собрался нас кинуть, – спокойно напомнил Илай.

Они с Дживсом помочь посиневшему товарищу по команде не захотели. Оба насладились знакомством и пожелали удалиться. Как всегда, лучше всего у нас получалось коллективно покидать помещения.

Неожиданно Бади помедлил возле новенького, по-братски сжал ручищами прикрытые плащом узкие плечи и, склонившись, заглянул в глаза.

– Коэл Брокс...

– Так меня зовут, – оторопело кивнул тот.

Мы-то привыкли к манере Джера всех старомодно называть по имени и фамилии, но остальные всегда пугались. Не спорю, звучало угрожающе, особенно когда эти самые имя-фамилия были произнесены вкрадчивым низким голосом коротко стриженного здоровяка ростом под дверную притолоку.

– Никаких записок.

– Даже если я хочу узнать что-то важное?

– Никаких, – голос Бади стал тише, а потому еще страшнее.

– Я понял, – едва слышно проблеял Коэл.

– Никогда.

Клянусь, после такого предупреждения я не только забыла бы, как сворачивать бумажные птички, но даже опасалась бы взять в руки самописное перо.

Глава 3

Давай поспорим

Ночной буран перерос в обильный снегопад. Снег сыпал густо, сердито, не щадя окрестностей и наплевав на потуги городских дворников привести улицы в порядок.

По оконным стеклам стекали тонкие ручейки талой воды, на широком каменном подоконнике собиралась лужица, страшно бесящая кусачий кустик. Маграция, которая рейнсверская мандрагора, похожая на маленького малинового человечка с цветочком на макушке, засела в ведре и с подозрением водила по воздуху сомкнутым бутонem. Талая вода кустик не интересовала – как пьянчуга со стажем, он желал приложиться к согревающей растирке.

Где-то в замке после сбора кружка войны пытался оттереться от синей краски Коэл Брокс. Мои лучшие друзья скорее всего занимали места в столовой, по случаю дурной погоды вновь под завязку забитой адептами. А я беззвучно открывала рот, не в силах даже выругаться, ведь крупная яркая надпись на стене, как раз над кроватью, лишала дара речи.

«Помоги!» – кричала каменная кладка черными скачущими литерами с жирным восклицательным знаком. В самом конце рука вандала дрогнула, искренне надеюсь, что от сожаления, и точка вытянулась в неряшливый хвостик.

Демоны меня дери, если я с первого раза не угадала имя варвара. Ведь не побоялся взломать дверь и испоганить чужую стену. По-мо-ги?! Теперь разве что закопаться в сугробе! Надо было с утра позволить девчонкам сдать этого недоумка Дживса зрителю!

Кипя от возмущения, я забралась на кровать и, смятая аккуратно застеленное казенное покрывало, попыталась стереть надпись с помощью магии, но не добилась ровным счетом никакого результата. Литеры не только не стерлись, но, кажется, сделались чуточку ярче и покрылись приятным глянцем. Оставалось с прискорбием резюмировать, что стену придется покрасить заново. Желательно тихонечко, чтобы не заметил зритель, иначе штраф неминуем.

– Отомстим и успокоимся! – уперев руки в бока, провозгласила я собственный постулат мироустройства и добавила: – Согласен, кустик?

Любопытный малиновый человек-корешок, слепо выглядывающий из ведра на подоконнике, резко раскрыл махровые лепестки и согласно ощерил клыки-иглочки. Я соскочила с кровати, поправила покрывало. В воздухе засветилось наколдованное зеркальце, и из поясной сумки было вытащено пустое самописное перо...

Через пятнадцать минут, когда в моем сознании возмутительная надпись, мараящая стену, практически превратилась в часть скудного интерьера, в дверь постучали. Я открыла. На пороге, сунув руки в карманы, стоял Форстад. На капризных губах играла ленивая полуулыбка. Он выглядел жутко довольным, даже захотелось сказать какую-нибудь гадость.

– Неожиданно, – честно призналась я. – Пришел навестить кустик?

– Я свидетель.

– Чего, позволь узнать?

Секундой позже появился перекошенный и белый от ярости Дживс с зачесанными на лоб вихрами.

– Ты чокнутая злобная ведьма! – прорычал он, указав в меня трясущимся пальцем, и попытался протиснуться в комнату, но дорогу ему спокойно перекрыл Форстад.

– Говорите здесь.

– Нет уж, пусть проходит, – проворчала я. – Зря, что ли, приветик отправляла?

– Приветик?! – взвыл Дин и, резким движением подняв прилизанную челку, рявкнул: – Вот это ты называешь приветом?!

Поперек лба, похожие на татуировку, прочертились три крупные литеры с замечательным восклицательным знаком. И нет, бездарь был помечен не тем словом, о каком сейчас все подумали, хотя в сложившихся обстоятельствах оно уместно. Он красовался емким ответом на просьбу о помощи: «Нет!» Коротко и понятно даже Дживсу. Не спрашивайте, как я отправляла это магическое послание, вспоминать стыдно.

– Главное, за что?! – орал он, как потерпевший.

– Вообще не понимаешь? – быстро переспросила я. – Ты написал на стене в моей комнате. Я тоже написала у тебя... на стене. Такой полноценный диалог. Все честно.

– Какая стена? Она вообще рехнулась? – моргнул Дживс и обернулся к другу, следившему за скандалом с таким удовольствием, словно слушал чарующую оперу в столичном театре на Каменной.

Моему возмущению не было предела!

– Хочешь сказать, что надпись написала себя сама?

Я открыла пошире дверь и собралась предъявить непотребный акт вандализма, доказывающий, что в ближайший час Дживсу придется превратиться в маляра-самоучку, если он не хочет превратиться в закопанный в сугробе труп, но побеленная стена над кроватью оказалась девственно-чистой. Ни намека на кривоватую «наскальную живопись», ни единого крошечного мазка!

– Куда она делась? – изумленно пробормотала я, чувствуя себя безумнее блаженной бабки Лилиас. Прошлым летом сумасшедшая старуха вопила перед теткиной таверной, что в следующем году мы все непременно умрем во время раскола грани, окажемся сожранными скиффолсами, потоптанными игуанодонами, а она выживет, потому что умная и красивая.

– Ты – демоны дери – издеваешься, Ведьма! – прошипел Дживс. – Это даже для тебя через край!

Не поспоришь... Выходит, что бедняга пал жертвой моей то ли фантазии, то ли забористой галлюцинации.

– Но надпись только что была здесь! – указала я на стену. – Прямо над кроватью!

– Да неужели?!

Дживс, не поверишь, сама в шоке!

– В качестве компенсации я научу тебя передавать и тушить «приветики». Что скажешь?

– Что ты меня еще лист в красный цвет толком не научила перекрашивать! – рыкнул вандал, который, как выяснилось, вандалом не являлся.

– Ладно, тогда Форстад уберет, – пожала я плечами, мол, добрых дел не навязываю и в феи с прозрачными крыльями не записываюсь.

С ошарашенным видом Дин повернулся к лучшему другу:

– Ты мог потушить надпись?!

– Я решил, что у вас с Ведьмой практика по высшей магии, – нахально заявил он, даже бровью не поведя.

К слову, в комнату Илай так и не зашел, будто у порога была проведена красная линия, запрещающая проникать в жилища бывших девушек. Следил за цирком из дверного проема, привалившись плечом к косяку.

– Дживс понял, что лучше сам будет готовиться к экзамену. Правда? – с нажимом спросила я у парня.

– Ну... – Он шмыгнул носом.

– Давай сюда свой лоб. Превращу тебя в нормального человека и иди с богом, – щедро предложила я и попыталась дотянуться до разрисованной физиономии. Парень отпрянул и, не позволив к себе прикоснуться, с подозрением уточнил:

– Точно уберешь?

– Считаешь меня рейнсверским монстром?

– Нет, обычной ведьмой.

– Я взяла пятиминутный перерыв от причинения зла, – уверила я, что ничего плохого не случится. Если, конечно, он не начнет отбиваться.

– Причинение добра меня пугает больше, – пробормотал Дживс и охнул, когда я шлепнула его по лбу. – Нежнее нельзя?! У меня голова, между прочим, не казенная.

– Нежнее тебе Форстад будет магию тушить, – фыркнула я, следя за тем, как постепенно таяли буквы. – Все. Теперь ты чище, чем был с утра.

– Жжет, – словно маленький ребенок заныл Дживс, потирая лоб, и проверил пальцы, словно магическую надпись ему нарисовали обычными пачкающими чернилами.

– Попроси лучшего друга, чтобы подул, – фыркнула я.

Парни странно переглянулись и оба быстренько отвернулись. Невольно представилось, как Дживс, пряча глаза, приподнимает челочку и подставляет лобик, а Форстад, вытянув пунцовые губы уточкой, нежно дует на невидимый ожог. В страшном сне такое привидится – в кровать ложиться побоишься. Поменяешь подушки, попрыскаешь храмовой водичкой на матрац, но в итоге предпочтешь спать на половике в проходе.

– Вообще, Ведьма, теперь ты мне кое-что должна, – заявил Дживс.

– Уточни? – охнула я, поражаясь людской наглости. Каждый раз одна и та же песня: позволишь аристократам чуточку прихлебнуть из тарелки, а они слопают еду до последней крошки и еще потребуют бесплатной добавки. Воплощение жадности, а не люди!

– Как же компенсация морального ущерба! – выпалил он и боязливо покосился на Форстада, словно проверяя, подстраховывает ли приятель на тот случай, если девушка взбесится и натравит кусачий куст. Мандрагора, к слову, уже давно высовывала из ведра цветов и готовилась ощерить клыки, если шумный визитер попытается приблизиться к чужой территории. Он, конечно, пока не пытался, но травянистый хищник бдительности не терял.

– Какая еще компенсация, труп Дживса?

– Я теперь посмешище всего факультета! – плаксиво поделился он обидой. – Твоя надпись появилась, когда я с парнями в столовке был! Знаешь, как ржали?

– Не представляю.

– Как кони! Форстад не даст соврать.

И хотя мне было в высшей степени ровно, что Дживс превратился в самую смешную шутку сегодняшнего обеда, я все равно покосилась на Илая, словно хотела подтверждения. С трудом пряча издевательскую ухмылку, тот кивнул.

– Вот оно что... – протянула я. – Извинения – достаточная моральная компенсация?

– Шутишь? Я требую помощи в подготовке!

– Ты не в том положении, чтобы требовать, – развела я руками. – Сначала верни, что уже должен.

Дживс надулся и потеснил меня в проходе, чтобы с гордо-обиженным видом покинуть ведьмовское логово.

– Ладно, Дин, это даже к лучшему, что Эден отказалась. Найдешь кого-нибудь приличнее, – лениво протянул Илай, вроде бы поддерживая приятеля.

И что-то так зацепил, принцесса столичная, сил нет!

– Я прекрасный репетитор! – огрызнулась, оскорбленная в лучших чувствах.

– Как скажешь, – небрежно согласился он.

– Божечки, и зачем я пытаюсь что-то доказывать зашоренному аристократишке? – буркнула я, делая вид, будто не обращаюсь ни к кому конкретно.

– Зашоренный аристократ? – вкрадчиво повторил Илай.

– Ты этого даже признать не можешь.

– Поспорим? – вдруг предложил он, как зубастый пятнистый папель, вцепившись в мои слова. – Если Дживс получит «отлично», то – так и быть – я согласен признать себя... Как ты там сказала?

– Шовинистской сволочью, – услужливо подсказала я. – Но спорить ради того, чтобы ты признал правду, неинтересно.

– Предложи ставку. – Его глаза блеснули азартом.

– Например... На бал в честь первого дня весны ты наденешь золотое платье, туфли на каблуках, нацепишь корону и при всей академии признаешь себя придурком, не видящим дальше собственного носа.

– Уф-ф, – издевательски выдохнул Илай. – Это было жестоко, Эден.

– На правду грешно обижаться, Форстад, – пожала я плечами.

– А что, если Дин не получит «отлично»?

– Эй, ты вообще мне друг или кто? – возмутился Дин.

– Если не получит, – с нажимом проговорил Илай, пропустив мимо ушей недовольное фырчанье приятеля, – то золотое платье с короной на праздник наденешь ты и всем объявишь, что я самый умный, привлекательный, сексуальный...

– И ко всему прочему такой скромный, что зубы сводит, – съязвила я.

– Идет! – Он щелкнул пальцами, в воздух брызнули золотистые магические искры. – Принимаю ставку.

– Какую еще ставку? – опешила я. – Не собирается никто с тобой спорить! Можно подумать, мне нечем больше заняться, только целую декаду бесплатно терпеть твоего приятеля.

– Пока что только я от тебя натерпелся, – проворчал Дживс голосом помершего десять лет назад дядюшки, объявляющего, что он еще с нами и слышит все неприятные разговорчики.

– Струсил, Эден? – усмехнулся Илай. – Просто признай, что репетитор из тебя никудышный.

– По рукам! – выпалила я неожиданно даже для самой себя. – Принимаю ставку!

Не отводя глаз, мы закрепили спор рукопожатием. Илай указательным пальцем погладил мое запястье. Возможно, он не хотел, чтобы приятель заметил

необъяснимого даже для меня нежного касания, но на коже предательски вспыхнул знак Дартмурта, наносимый всем адептам во время церемонии посвящения. Мы немедленно расцепили руки. Этот маленький жест запутывал наши непростые отношения еще сильнее.

– Я чего-то не понял, – с искренним недоумением проговорил Дин, – вы на меня поспорили?

– Вроде того, – согласился Илай. – Идешь?

Парни удалились, оставив после себя странную тишину. В ушах звенело, точно мы полчаса орали друг на друга, как оглашенные. Я слушала этот самый звон и медленно осознавала, что снова, как глупая золотая рыбка, позволила втянуть себя в нелепое пари.

– Дживс! – заорала я, словно он все еще мог услышать требовательный вопль. – Вечером на урок!

Тайна настенного послания оказалась раскрыта тем же вечером, когда мы с Дином на пару брали штурмом заклęcia высшей магии. Я училась обездвиживать предметы, а парень с разнесчастным видом зубрил закон об изменении форм.

Победить злосчастное колдовство оба оказались не в силах. У Дживса мстительно не распряmlandся скомканный бумажный лист, а меня игнорировали пролетающие мимо птички-записки. Ни одна, даже самая маленькая и корявая, даже с разорванным крылом, не пожелала парализоваться! В сердцах я сожгла парочку, посыпав себе голову пеплом. Дину тоже досталось. Символизм жеста он не оценил, но только принялся ворчать и скрипеть, как в зал для общих занятий ворвалась Тильда.

Она зло гроыхнула учебниками о стол и пронзительным голосом, наплевав на многозначительное покашливание дежурного, заявила, что ее дверь осквернили некрасивым ругательством. Более того, она накрыла вандалов на месте преступления, в смысле, с банкой краски в руках посреди коридора! Ими оказались неофиты из академического тайного общества, о котором знали даже мыши в замковом подземелье.

Новобранцам устроили очередную проверку, а страдали мирные жители общежития. Судя по всему, моя «темная башня», после первого пришествия существовавшая в относительном мире, тоже попала под раздачу. Клянусь, если бы доморощенные «братья» изрисовали мои стены несмываемой краской, то висеть им всем коллективом в суровый мороз на флагштоке вместе или вместо академического знамени. Костями легла бы, но заставила взбираться!

Следующие два дня у нас с Дживсом прошли под общим лозунгом: «Не хочешь – заставим, не умеешь – научим». На третий день, вернувшись после занятий, я обнаружила на ручке своей двери золотистую корону с острыми разновеликими зубцами, словно вырезанными ножом на глаз. На одном из острых «клыков» была пришпилена записка, написанная рукой Форстада: «Угадал с размером?»

– Белобрысая сволочь!

Чувствуя неладное, я сдернула ощеренную жестянку и направилась лично вернуть дарителю. Оригинальный головной убор хотелось сунуть ему в зубы или натянуть на шею, как строгий ошейник, но шутник предусмотрительно спрятался и на стук не открыл. Пришлось нацепить корону на ручку, а на обратной стороне записки накопать злобное: «Жмет!»

Вечером выяснилось, что дурное предчувствие не подвело: Дживс не появился в общем зале для занятий! Время шло, я ерзала на стуле и бросала негодующие взгляды в открытые двери. Дин как сквозь землю провалился.

– А я говорила, что он сломается, – съехидничала Тильда и бросила Бади, что-то переписывающему из учебника по истории: – Ты мне должен сорим.

– Они еще и поспорили, – буркнула я, вытащила из напоясной сумочки пустое перо и наскребла на ладони «приветик» Форстаду: «Где твой друг?!»

– На вечеринке?! – возмущенно охнула я, прочитав вспыхнувшее послание.

На кону, можно сказать, стояли девичьи честь и гордость, а неуч посмел загулять?!

– Где-то идет вечеринка? – заинтересованно подняла голову подруга.

«Хозяйственная башня», – словно на расстоянии услышал и ответил Илай.

Следом на руке засветилось сочное ругательство, одно из тех, что в приличном обществе говорили или почти беззвучным шепотом, или вообще мысленно, зато от души. Я продемонстрировала ладонь и любезно уточнила:

– Поможете разрисовать Мажору дверь?

– Он тонко намекает отвалить? – удивилась подруга. – Бесстрашный!

– Бессмертный, – поправила я.

– Это пароль, – прогудел Бади, останавливая меня от порчи общежитского имущества ради сиюминутной мести.

– Откуда ты знаешь? – не поверила я.

– Приглашали, – кивнул он.

– Не пошел без нас? – умилилась Тильда.

– Устав запрещает.

– Мог бы и соврать!

Пока подруга вдохновенно спорила с молчуном, умело вставляющим в нужном месте междометия, отчего складывалось ощущение полноценного диалога, я решительно захлопнула учебник и сложила перья.

– Ты куда? – удивилась Тильда.

– Выигрывать спор, – мрачно объяснила я. Вот выловлю Дживса и верну на путь знаний! Даже если он отчаянно хочет веселиться и не разделяет моих убеждений, что лучшее развлечение – это высшая магия в любых ее проявлениях.

– Идем вместе! Всю жизнь мечтала побывать на тайной вечеринке адептов! – Подруга принялась шустренько собирать вещички. – Бади, заберешь наши книги?

– Девы! – Он с грохотом отодвинул стул, заставив нас удивленно переглянуться.

– Ты чего буйствуешь?

– Сопровожу, – миролюбиво пояснил Джер.

Потенциальный носильщик вещей пожелал выступить в роли телохранителя, и пришлось вернуться в общежитие, чтобы оставить учебники. Когда я спустилась в холл, нашла только Бади, с потрясающим терпением ожидающего дам. Тильда появилась минут через двадцать, одетая в новое платье и с накрашенными губами. По лестнице подруга плыла с видом королевской особы, но цепко хвататься за перила не забывала, видимо, опасалась скатиться кубарем нам под ноги. Правильно, шея своя, единственная, жалко ее ломать в угоду красивому выходу.

– Что? – воинственно вздернула подбородок она, утопая в облаке жасминового аромата.

– Ты даже надушилась! – проворчала я.

– Мы идем на вечеринку.

– Не знаю, куда идешь ты, а я собираюсь на подпольный кутеж, чтобы спасти Дживса от похмелья.

– Слушай, сестра милосердия, моя матушка говорит, что в девушке в очках должны быть красивыми хотя бы платье и аромат, – парировала новообращенная кокетка.

– И именно сейчас ты прислушалась к ее ценному совету, – огрызнулась я, почти уверенная, что обнаружу подопечного в том счастливом состоянии, когда с вечеринки его выйдет изъять, разве что вынеся на закорках.

– Аниса Эден! – оборвал меня Бади. – Не завидуй.

– Ты всегда ее защищаешь, – обиделась я. – Если Дживс уже лежит, сам его потащишь!

– Не сомневайся, – с достоинством взял на себя ответственность Джер.

В хозяйственных башнях, куда никто, кроме голубей, летучих мышей и, пожалуй, кастеляна, лишний раз не заглядывал, живое тепло не пробуждали, и холод стоял нечеловеческий. В общем, как на улице, разве что снег не скрипел под ногами. От дыхания в стылый воздух вырывались облачка жидкого пара. Волшебные светляки в лампах впали в летаргический сон и не реагировали на движение, подниматься к складу старой мебели приходилось в потемках.

Перед низкой деревянной дверью с железными заклепками и наглухо закрытым смотровым окошком тряслись от холода три девчонки в разноцветных тонких платьях. Одну из них, соседку-блондинку Форстада на занятиях по философии, я узнала.

Помнится, имя у нее было какое-то странное, болотное. Вроде простое, а запомнить не удалось. Впрочем, чему удивляться? На занятиях у Хилдиса я столько раз ее мысленно прикапывала в сугробе, что чувствовала себя снежным маньяком. Зачем маньяку помнить имя жертвы?

– Вы тоже на вечеринку? – с надеждой в голосе спросила блондинка с болотным именем. – Мы стучали, стучали...

– Ага, стучали очень громко, – подхватила другая.

– Стуч... – попыталась третья, и я ее перебила:

– В общем, пароль не знаете.

– А нужен пароль?! – изумились девчонки, видимо, осознавая, что рисковали покрыться инеем от макушек до пяток раньше, чем им кто-нибудь сподобился бы открыть.

– Дамы, – прогудел Бади, заставляя девчонок потесниться. Они сбились в яркую стайку, шмыгали замерзшими носами и с надеждой смотрели на спасителя. С решительным видом тот взялся за железное кольцо и сосредоточенно замер, буравя толстую дверь хмурым взглядом.

– Бади, действуй, – поторопила я. Эффект от подъема по лестнице постепенно иссякал, холод проникал под одежду, и тело стремительно остывало. Подхватить простуду даже ради выигрыша в споре не было никакого желания.

Джер набрал в грудь побольше воздуха, словно собирался читать долгую поэму... и промолчал. Мы ждали. Он очень старался: пыжился, глубоко дышал, надувал щеки, открывал и закрывал рот, но ядреное словцо не желало произноситься, застревая где-то в районе кадыка. Вид у здоровяка был ужасно несчастный, как у Дживса, зубрящего закон сохранения магической энергии.

– Что же все такие воспитанные? – проворчала я и, подвинув не умеющего ругаться боевого мага, схватилась ледяными пальцами за металлическое кольцо, согретое его рукой.

Бранное слово, произнесенное громко и четко, отразилось от стен затихающим эхом. От удивления девчонки перестали трястись.

Некоторое время ничего не происходило.

– Думаешь, Мажор пошутил? – спросила Тильда в тишине.

Я хотела снова произнести то самое словцо, но уже выражая отношение к ситуации, зверскому морозу на улице и к шуточкам разных белобрысых придурков, но на смотровом окошке вспыхнул замысловатый знак. Дверь со скрипом приоткрылась. Из щели повеяло блаженным теплом, слышались невнятные голоса и тихое мяуканье, словно кто-то мучил котика тетки Юри.

Одно время Надин воспылала любовью к музыке (точнее, к бездарному скрипачу, но это частности) и принялась приглашать в таверну менестрелей. Оставалось тайной, где она выуживала дуэты и даже трио, напоминавшие отборных бродяг, но раз в седмицу они неизменно пикиали грустные мотивчики на выдавших лучшие времена инструментах и гнусавыми голосами тянули непередаваемые рулады. Потом случилась драка с местным пифием, закончившаяся поджогом.

Все, кто мурлыкал невнятные песни или выкрикивал сумбурные предсказания, были безжалостно изгнаны из заведения на веки вечные.

В память о темных временах, когда за счет Надин кто-то бесплатно угощался крепленным вином, на стену повесили отобранную у музыкантов лютню с разорванными струнами и полустертым цветочком на покато боку, которую тетка справедливо считала боевым трофеем. Если никто испорченную «бренчалку» не стащил, как мишень для дротиков, то скорее всего она по сей день пылилась в обеденной зале.

– Через какую дыру в заборе они протащили музыкантов? – заинтересовалась я.

– Понятия не имею! – выбила Тильда зубами чечетку. – Входи, не задерживай очередь, а то мы издохнем от холода!

– Зато принаряженные и благоуханные, – не удержалась от шпильки я и пропустила отмороженных – ой! – обмороженных красоток вперед. И хотя с моим ростом не было необходимости наклоняться, все равно инстинктивно пригнула голову, чтобы не вписаться макушкой в низкую притолоку. Дверь закрылась сама собой, лязгнул запирающий крючок, точно нашедший ушко петельки.

Вшестером мы замерли на пороге и оглядели утопленное в полумрак помещение. Избранных на закрытой вечеринке оказалось на удивление много. Старая мебель была сдвинута, на партах тускло светились лампы, подозрительно похожие на те, что обычно стояли в библиотеке. В воздухе витал ядреный запах какой-то алхимии и царило тепло. Не хуже, чем в жилых комнатах! Гуляки подошли к подготовке основательно, расстарались от души: запечатали дверь паролем, навели магический полог и затуманили дымкой окна, чтобы с улицы никто не заметил света.

Правда, менестрелей протащить не сумели. Источником кошачьего мяуканья оказался магический музыкальный ящик, мерцающий рассованными в отдельные ячейки кристаллами. Зачарованные камни по очереди загорались, испуская бледный свет, и одна мелодия сменяла другую. Видимо, в помещении было слишком шумно, все песни звучали на один шаманский мотив.

– Подруги, – проговорила оттаявшая блондинка и решительно подтянула лиф красного платья, сползший на груди, – помните, что из чужих рук ничего не

пьем, а если пьем, то хорошо закусываем. Вперед!

Она уверенно шагнула, запуталась в длинном подоле и только чудом удержала равновесие.

– Тина, аккуратнее! – закудахтала свита.

Точно! Ее зовут Тина. Говорю же, имя какое-то болотное.

Блондинка сдула с лица прядку волос и, передернув плечами, провозгласила:

– Вперед, но потихонечку! Бережем юбки и каблуки.

Отчаянные красотки отправились искать приключений на то место пониже спины, каким смело виляли.

– Как будем разыскивать нашего клоуна? – проговорила Тильда, стараясь перекричать шум и стремительно нарастающую музыку. Впрочем, она всегда с легкостью оказывалась самой громкой.

– Он возле Мажора, – убежденно заявила я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы получше рассмотреть народ. – Сейчас спросим...

– Увидела знакомых? – удивилась подружка.

– Вроде того.

Ловко протиснувшись в толпе, я приблизилась к столу с мерцающим музыкальным ящиком и изящным движением руки захлопнула крышку. В помещении мгновенно наступила дивная тишина. Разговоры смолкли, словно в хозяйственной башне появился магистр Армас и щелчком пальцев наложил на толпу адептов заклятия немоты. Думала, сейчас обругают, но от наглости какой-то девчонки в простеньком платьице гуляки лишились дара речи.

– Форстада-младшего кто-нибудь видел? – нахально спросила я.

Как ни странно, вопроса, кто такой этот самый Форстад-младший, ни у кого не возникло.

– Там, – махнул рукой незнакомый парень в сторону выстроенных неровной преградой книжных шкафов, возможно, когда-то служивших ректору, славящемуся слабостью к дорогой мебели.

– Спасибо, – мило улыбнулась я и снова откинула крышку музыкального ящика.

Скрытая в темнице мелодия набрала мощь и пронзительно взвизгнула, словно кто-то провел железкой по стеклу. Окружающие болезненно сморщились. В одном ухе у меня тоненько зазвенело.

– Идем? – повернулась я к друзьям.

– Куда? – промычал нетрезвый тип, в руках которого тускло светилась ополовиненная бутылка с мутновато-голубым питьем. Тильда куда-то смылась, прихватив Бади и заставив очередной раз задуматься, а друзья ли они мне вообще.

– За грань, – коротко указала направление.

– За какую? – икнул он.

Не поверите, но даже в тупик поставил. Обычно, когда посылаешь человека, он сразу понимает, что следует скрыться с глаз девушки, пока та не превратилась в ведьму и не огрела метлой.

– За острую! – не придумала я ничего остроумнее.

С верными друзьями мы нос к носу столкнулись в перешейке между заставленной бутылками партой и креслом с дырой в сиденье. Не произнося ни слова, парочка развернулась и направилась в противоположном направлении, даже не оценив многозначительно упертых в бока рук.

– Помочь не хотите? – прикрикнула я им в спину.

– Мы помогаем! – бросила Матильда через плечо.

– Чем?!

– Не мешаемся.

Компания знакомых аристократов действительно нашлась за баррикадой из шкафов. Света здесь было меньше, мебель стояла побогаче, не иначе как из преподавательских кабинетов, и нестерпимая какофония музыкального ящика практически не долетала.

Дживса в толпе я не заметила, но зато обнаружила Форстада... с блондинкой Тиной в красном платье. Ведь только-только шмыгала носом под дверь склада и до смерти коченела, а уже с кокетливым видом теребила пуговицу на пиджаке моего бывшего парня! Вообще, смотрю, оттаяла?! Знаете, не зря тетка говорит, что добрые дела всегда выходят боком! Оставила бы эту Тину-паутину в красном синеть на холоде, сейчас не чувствовала бы удушающей волны ревности...

Вдруг Илай широко зевнул в кулак, видимо, скука побеждала необходимость изображать хотя бы вежливый интерес к любительнице пуговичек. Только у меня отлегло, как Тина, особым женским чутьем почувствовав, что затосковавший кавалер готов всхрапнуть, тряхнула густой шевелюрой и коварно продемонстрировала, может, не очень выдающееся, но низкое декольте.

Не то чтобы Форстад заинтересовался, но мне сразу вспомнилось, какая снежная в этом году зима... Сугробы за замковой стеной выросли в человеческий рост, хватит зарыть целый отряд недалёковидных адептов факультета общей магии, любящих покрутить пуговички на пиджаках чужих парней.

– Эден, – резюмировал Илай, когда я остановилась в шаге от парочки.

– Оставишь нас? – кивнула я блондинке.

Та изобразила милую улыбку и по-настоящему удивила, ответив:

– Нет.

– Даже так? – изогнула я брови.

Размороженная, смотрю на тебя и не пойму: ты бессмертная, что ли, или инстинкт самосохранения отмерз?

– У нас важное дело, – объявила смелая Тина.

– Какое?

– Пуговички рассматриваем, – ухмыльнулась она. – Правда, котик?

– Ясненько, – понимающе кивнула я. – Разреши?

С непроницаемой миной подвинула соперницу бедром, схватилась за пуговицу на пиджаке у Форстада и с треском выдрала, заставив обалдевшего парня отпрянуть.

– Эден, какого демона?! – охнул он, поспешно оглаживая плотную ткань.

– Не жадничай, котик, – хмыкнула я и протянула пуговицу опешившей блондинке: – Держи!

Тина ошарашенно посмотрела на кругляш на моей раскрытой ладони. Казалось, будто ей предлагали принять яд, от которого лысели исключительно блондинки в красных платьях.

– Я не... Зачем мне пуговица?

– Почем мне знать? Рассматривай. Только лучше под лампой, а то зрение испортишь.

Мы непримиримо скрестились взглядами. Правда, дуэль длилась недолго: противница буркнула нечто невнятное, мол, оба мы сволочи, и развернулась, стеганув Илая по лицу волосами.

– А пуговицу-то забыла! – крикнула я ей в спину.

– Дай сюда. – Форстад вырвал у меня из рук костяную пуговку, приставил к пиджаку и выругался: – Эден, что у тебя за характер?

– Характер, может, непростой, зато широкая душа. Я спасла тебя от вывиха челюсти: ты так зевал, что даже мне самой стало неловко. Можешь не благодарить.

– И не собираюсь! – ругнулся он. – Пришьешь!

– Рискуешь, котик, – отсоветовала я.

На некоторое время возникла странная пауза. Илай с подозрением сощурился:

– Признайся, это ты прошлой осенью повесила мои брюки на флагшток.

– Имеешь в виду собственными руками?

– Ну, конечно, – наконец беззлобно хмыкнул он, – кому еще придет в голову светлая мысль спалить чужую одежду.

– Форстад, почему мы говорим о твоих сожженных портках, если у меня Дживс пропал? – возмутилась я. – Думаешь, я не догадалась, что значит эта твоя корона? Ты ведь специально его притащил на вечеринку!

– Ах, корона... – протянул Илай. – Просто мимо торговой лавки проходил, смотрю: отличная корона. Подошла?

– А тебе?

– Не пробовал.

– Очень напрасно! Начнет жать – голова на балу заболит. Прими добрый совет: когда будешь покупать туфли, обязательно примерь. Иначе во время танцев намнешь ноги.

– Непременно прислушаюсь, – согласился он с самым серьезным видом, насколько может быть серьезный вид у человека с оторванной пуговицей на одежде. – Если ты выиграешь спор.

– Выиграю, не переживай. Ты лучше не теряй время и тренируйся ходить на каблуках – все равно обуешь туфли, даже если играешь нечестно...

– Прийти сюда было идеей Дина. Он вообще парень легкомысленный, если ты не заметила, а я наплевал на мужскую солидарность и даже подсказал, где он сейчас, – полностью снимая с себя вину, развел Илай руками. В том месте, где раньше красовалась пуговичка, разошлась замечательная дыра и обнаружился кусочек черной рубашки.

– Ну и где он?

– Оглянись, – кивнул он в сторону.

Мысленно уверенная, что Форстад подшучивает, я заставила себя обернуться и действительно обнаружила пропавшего подшефного кутилу! Он был при полном комплекте аристократа-сибарита: с галстуком-бабочкой, надменным приятелем Троем Остадом, парочкой смущенно хихикающих девиц и с двумя бутылками светящейся мути в руках. Почему-то из этого набора больше всего меня возмутила крылатая бабочка в горло, а не выпивка.

– Только не калечь его, как ты любишь, – с весельем в голосе подначил Илай.

– Не дожدهшься, – уверила я. – Ему еще экзамен на «отлично» сдавать.

Заметив своего лучшего друга, Дин поднял вверх бутылки, мол, глянь-ка, мужик, мы с выпивкой и красотками, но обнаружил меня, многозначительно упирающую руки в бока, и на роже нарисовалась ничем не замутненная паника.

Он резко остановился, словно врезался в невидимую стену, воровато оглянулся через плечо, ища пути к отступлению. Пришлось выразительно покачать головой, чтобы не смел прятаться. Все равно выловлю, выставлю с вечеринки и не сегодня, так завтра заставлю припасть к источнику незаменимых знаний – учебнику по базовому курсу высшей магии.

Испуганный Дин Дживс, естественно, поступил как Дин Дживс в обычном состоянии. Нет, он не уронил какую-нибудь девицу на грязный пол, а судорожно припал к горлышку бутылки.

– Паршивец! – охнула я.

И в этот момент кто-то выкрикнул через гул людских голосов:

– Облава!

Народ, словно оглушенный бахнувшей посреди хозяйственной башни шутихой, запереглядывался. Осознание, что это не дурацкая шутка, нахлынуло не сразу, прошло несколько долгих секунд, и пространство забурлило от хаотичного движения. Толпа первым делом качнулась в сторону единственной входной двери, очевидно, перекрытой отрядом дежурных.

С другой стороны, а куда бежать? В окно ведь не сунешься! Хотя прошлой осенью даже высота не остановила почтовых голубей, сегодня стаей собравшихся на очередной птичий слет, перелезть с четвертого на третий этаж. Сейчас я сама была готова выбраться на парапет, прилипнуть к стене хозяйственной башни и под ледяным ветром переждать облаву. Главное, чтобы потом окно не закрыли, иначе каюк.

Народ толкался, паниковал. Никому не хотелось оказаться пойманным во время пьянки, а потом до конца полугодия работать в замке уборщиком.

– Эден, прячемся! – Форстад дернул меня за руку и, крепко сжимая запястье, потащил в противоположном направлении.

– Возьмем Дживса!

– Какого к демонам Дживса?! – опешил он.

– А ты много Дживсов знаешь?

– Эден, сейчас не время для душевной широты!

– При чем здесь душа? Ему заниматься надо, а не полы драить. Я не собираюсь тебе проигрывать из-за какой-то облавы!

– Ты шутишь, да?

Я вырвалась, полная решимости спасти нерадивого ученика.

– Нет, ты не шутишь, – пробормотал Илай, видимо, внутренне смиряясь с тем, что придется прятаться втроем.

Дживса, по-прежнему сжимающего бутылки, мы выдернули из толпы буквально за шкуру. Почему он не избавился от улик, как сделал бы любой нормальный человек, оставалось загадкой.

– А как же Остад? – заканючил он, порываясь вернуться.

– Идет к демонам! – выругался Илай, увлекая нас в другой конец склада, где стояла громоздкая старая мебель, видимо, хранившаяся в башне еще с тех времен, когда королевскую резиденцию перестраивали под учебное заведение. – Шкафа на всех не хватит.

– Твоя гениальная идея – спрятаться в шкафу? – насторожилась я.

– Есть другие варианты?

Большой покосившийся гардероб с закрытыми наглухо дверцами нашелся в самом углу. Высоким измученным стариком он устало подпирал стену и прятался в глубокой тени.

– Эден, забирайся! – скомандовал Илай.

Не споря, я нырнула в пахнущее старьем деревянное нутро, но в голове крутилась неприятная мыслишка, что на единственной даме хотели проверить, не провалится ли дно и не сложится ли шкаф, как карточный домик.

Следом заскочил Дживс, немедленно шибанул башкой о перекладину для одежных вешалок и выругался непечатным паролем от вечеринки. Потом

забрался Форстад, аккуратно прикрыл за собой створки.

Места и воздуха стало катастрофически мало. Я прижимала скрещенные руки к груди и старалась не шевелиться. Парни возились, пытаюсь провести совершенно ненужную рокировку. Кто-то протанцевал у меня на ноге, и я взвыла:

– Да остановитесь вы уже, кони! Все туфли копытами отдавили.

Соседи по гардеробу замерли. Они практически терлись носами, а я едва не тыкалась в бабочку Дживса. В душной темноте светились бутылки с алхимическим алкоголем. Где-то на другом конце склада грохотали и шумели.

– Проклятие, Форстад, – зашептал Дин, – когда ты говорил, что Ведьма ко мне прилипнет, я не думал, что это в буквальном смысле. Давай ее выкинем.

– Заткнись, Дживс! – процедил он. – Ты здесь из-за Эден. Она, знаешь ли, изредка страдает приступами человеколюбия.

– Ты бы вышвырнул меня ради Ведьмы?! – возмутился тот.

– Я и сейчас готов тебя вышвырнуть.

– Божечки, заткнитесь оба! Достали уже! – прорычала я. – И так дышать нечем.

Неожиданно рядом со шкафом кто-то завозился. Мы застыли, напряженно прислушиваясь к звукам. И дверцы с неприятным скрипом распахнулись. Из проема через темноту нас разглядывал Джер Бади.

– О, все в сборе! – вынырнула из-под его руки Тильда.

– Не смей! – приказал Илай, догадываясь, к чему идет дело.

Она, конечно, наплевала на запрет. Подхватила длинный подол и, с налета втиснувшись в узкое пространство, принялась тесниться:

– Двигайтесь, демоны! Бади, забирайся, тут еще места на десятерых хватит.

– Нет! – категорично отказался принимать здоровяка Илай. – Без обид, мужик. В этот шкаф второй шкаф точно не войдет!

– Где твой командный дух, Мажор? – укорила его Тильда.

– Прищепили!

– Ничего, в тесноте, да не в обиде! – Подружка расставила руки и с неожиданной мощью тяжеловесной вагонетки сдвинула всех вглубь гардероба, отвоевывая крошечный клочок свободного пространства для Бади. По всем законам геометрии у здоровяка не поместилась бы даже нога, но он как-то ловко сгруппировался, подогнул голову и забрался внутрь.

Мы снова застыли. Двигаться не выходило, разве что моргать. И дышать. Желательно через раз.

– Дверцы кто-нибудь закроет? – сухо спросил Илай, словно видел затылком, что наше убежище чуточку не заперто. Прячься, кто хочет!

Опять началась возня. Не знаю, как мы пережили страшный момент, когда Бади сгибался, неуклюже вытягивал ручищи и прикрывал скрипучие створки.

– Эден, твои руки занимают слишком много места, – пробубнил Илай, упираясь ладонями в стенку над моей головой.

– Предлагаешь их отстегнуть?

– Было бы неплохо, – рискнул подать голос Дживс.

– Было бы неплохо, проглоти ты свои бутылки! – парировала я. – Они занимают много места.

– Просто обними меня, – едва слышно прошептал Форстад.

Предложение оказалось во всех отношениях здоровое. Кое-как освободив руки, я обхватила Илая за пояс и прислонила щеку к крепкой груди. Пожалуй, так тесно в последний раз мы прижимались в оранжерее, опутанные лозами куста арауста. Да и ситуация была не менее абсурдной.

– То есть, пока я царапаю очки о стенку, вы обнимашки устраиваете? – испоганила Тильда момент. – Официально заявляю, Ведьма, что ты мне больше не подруга!

– Хочешь обниматься с Форстадом? – огрызнулась я. – Забирай!

– Ты в своем уме? – возмущенно прошептал он мне в макушку.

– Подруга важнее, – цыкнула я. – Немедленно перелезь и обними ее!

– Вы рехнулись? – взвыл Дживс. – Не двигайтесь, я и так на одной ноге стою!

– Нужен мне твой Мажор, – небрежно отказалась гордячка от возможности потискать потомственного аристократа. – Просто ты спряталась, а нас не позвала.

– Вы первые сбежали!

– Девы! – прогудел Бади.

– Что?! – в один голос рыкнули мы, наплевав на конспирацию.

– Поймают, – договорил он, словно намекнув, что сейчас смелые мужчины останутся в шкафу, а скандальные дамы пинком под зад отправятся в руки дежурных, где смогут выяснять отношения сколько душевнике угодно и даже, если очень захотят, то вцепятся друг другу в волосы.

Мы прикусили язык. В шкафу стало тихо, до нас доносились звуки шагов и чьих-то разговоров. Похоже, дежурные пытались отыскать непойманных нарушителей порядка. А Дживс принялся громко икать. Раз, второй. Алхимическая муть явно сушила горло.

– Икота, икота, уйди... – начал бормотать он детскую считалочку, пытаясь справиться с неприятным недугом.

– Ты издеваешься, клоун? – зло перебила я. – Закрой рот!

– Не вопи.

Он вобрал в грудь побольше воздуха и на некоторое время затаил дыхание, потом шумно выдохнул. С икотой, слава богам, было покончено, но у Дина вдруг потек нос! Душное пространство наполнилось отчаянным шмыганьем.

– Да что с тобой, Дживс? – цыкнул Илай.

– Жасмином воняет, – пожаловался он. – У меня аллергия.

– Почему же сразу воняет? – оскорбилась Тильда. – Прыснула-то пару раз духами на платье.

– А ощущение, как выкупалась, – заругался болезный. – В носу свербит...

– Не смей чихать! – охнула я.

– Это невозможно контролировать.

– Нос заткни.

– Закрой рот, заткни нос, а дышать чем? – проворчал он.

– Ушами!

Возле нашего убежища кто-то остановился. Я немедленно осеклась и от греха подальше стиснула зубы. Некоторое время неизвестный крутился рядом со шкафом, неожиданно постучал по стенке, словно рассчитывая, что изнутри ему ответят басовитым голосом Бади, мол, дома никого нет, заходите попозже. Не знаю, как мы не легли от коллективной остановки сердца. Наконец дежурный отошел. Казалось, угроза миновала... и Дин смачно чихнул.

Прошла целая секунда, прежде чем дверцы дернули. Невольно «сокамерники» качнулись вглубь деревянной темницы. Илай навалился всем весом, выбив у меня из груди весь воздух, а заодно и странное кряканье.

– Добрый вечер... – с глумливой интонацией протянул смутно знакомый голос.

Я кое-как вывернулась и глянула в открытый проем. Держа над головой яркую лампу, нам ухмылялся Коэл Брокс. Свет причудливым образом падал на лицо, превращая парня в кровожадного клоуна со зловещей улыбкой. Усиливая впечатление, из-под края вязаной шапочки, прикрывающей волосы, высывалась ярко-синяя завитушка.

До сих пор краска не отмылась! Так мастерски получилось заколдовать птичку, даже гордость берет. Столкнись мы с новеньким где-нибудь в коридоре или на лекции, непременно позлорадствовала бы, но сейчас я, как последняя идиотка, пряталась в старом шкафу на мебельном складе... Не до издевок, знаете ли.

Тяжелая пауза затягивалась. Он явно наслаждался зрелищем стиснутых, как селедки в бочке, новых товарищей по команде.

– Магистр Гариф, здесь никого нет! – наконец крикнул Коэл.

Мы дружно перевели дыхание.

– Команда, встретимся завтра, – тихо произнес он с непередаваемой интонацией победителя огнедышащих драконов и закрыл дверцы, оставив нас в глухой темноте.

– Вот кретин, – обреченно вздохнул Илай.

– Он? – жалобно шмыгнул носом Дин.

– Ты!

Словно подтверждая вердикт, Дживс снова звонко чихнул.

Глава 4

На крючке

Появление бумажной птички на следующий день, точно в середине занятия по высшей магии, воспринялось как неизбежное зло. Летунья появилась в щели под дверью, застряла на некоторое время и суматошно задержалась. Я делала вид, будто слушаю объяснения Армаса, и молилась академическим богам, чтобы птаха намертво застряла, но нет – она вырвалась на свободу. Стремительно разрезав воздух, записка пересекла аудиторию и закружилась над моей головой.

Магистр прервался на полуслове и вперил в меня немигающий взгляд. Одногоруппники зашептались, завертели и, в общем, обстановка воцарилась весьма нервная.

– Адептка Эден, ваше? – выгнул бровь Армас.

Отпираться не имело смысла, но я все-таки промычала:

– Не уверена.

– Как успехи с дополнительным заданием? – намекнул он, что самое время продемонстрировать мастерское обездвиживание зачарованных предметов.

– Ну...

Народ сдавленно захихикал.

– Проверим? – почти по-дружески предложил он.

Подняла голову. Сложенная бумаженция нахально нарезала круги. Пытаясь потянуть время, в надежде, что у Армаса лопнет терпение и он сам подрежет крылья посланцу, я размяла плечи, похрустела пальцами.

– Адептка Эден? – не сдавался магистр.

Ладно, недоделанный почтовый голубь, если ты сейчас не издохнешь, то сегодня на одного Коэла Брокса в нашем мире станет меньше! Я громко щелкнула пальцами. Из хвоста пичуги вырвалось дымное облачко.

– Внезапно, – с каменной физиономией прокомментировал Армас.

– Сама в шоке, – призналась я, вызывая новую волну сдавленных смешков.

Тлеющая обездвиженная птица упала на страницы раскрытого учебника по высшей магии. Пришлось ее схватить и хорошенько потрясти, чтобы не дать разгореться пламени.

– Читайте, – развел руками Армас.

– Кхм... – Я начала разворачивать обугленную с одного края бумажку.

– Стоя, – добавил он.

Мысленно обозвав магистра тираном и громыхнув стулом по дощатому полу, я поднялась и кое-как расковыряла на совесть сложенную птичку. Посреди испещренного заломами листика прятались крупные печатные литеры: «Помоги!»

Что за идиотские шутки посреди бела дня?!

Тревожное послание мелко задрожало. Тонкие чернильные линии засветились и исчезли. В одно мгновение от записки не осталось ни следа, только пустой сероватый клочок бумаги с почерневшей каемкой.

– Мы все жаждем узнать, адептка Эден, – поторопили меня.

– Она пустая, магистр. – Я продемонстрировала бумажку.

– Очень предусмотрительно. Садись... – хмыкнул Армас, но поспешно оговорился: – Садитесь, адептка. За выполнение дополнительного задания «удовлетворительно».

– Я могу лучше, – буркнула, со злостью плюхаясь на стул.

– Верю, – согласился он и обратился к слушателям: – В этой аудитории записки запрещены. Всем ясно?

Народ опустил головы и едва не уткнулся носами в парты. Вообще было бы странно, подай кто-нибудь голос и с жаром поклянись, мол, ни-ни, ни разу, вообще никогда.

Состроив вид, будто с незатухающим энтузиазмом, подогретым низким баллом, переписываю формулы за пляшущим по доске меловым стержнем, я попыталась выяснить, кому из друзей настолько срочно понадобилась помощь, что пришлось написать во время занятий. Почему-то в голове крутилась идиотская мысль, будто Тильда застряла в комнате для девочек...

Я начертила посреди чистого листа неровный круг и быстренько прикрыла ладонью, пока по линии бежала яркая искорка. Внутри отчерченного контура появился кусочек белой мелованной бумаги из конспекта подружки.

«Ты мне писала?» – быстро накорябала я.

«Я все еще тебя игнорирую! – немедленно отбрила она, но тут же добавила: – Зануда объявил об общем сборе после занятий. Идем?»

«Зачем?»

То есть встряхнули только меня, остальных просто попытались согнать в кабинет и устроить кружок дружбы.

«Так и быть, займу тебе место в столовке», – поменяла гнев на милость Тильда и потушила магическую связь.

Бади на вопрос ответил лаконичным «нет». Дживс витиевато объяснил, в каком разукрашенном гробу после вчерашних коллективных объятий в шкафу видел мою помощь, но попросить перевести мудреную фразу со старомagического, конечно, не преминул. Не обращая внимания на стенания, я разорвала переписку. На Форстада пожалела чистый листик, но не успела встряхнуть

чернила в иссякающем пере, как по листу прочертилась искра и начали проявляться написанные твердым знакомым почерком литеры.

«У меня не спрашиваешь?» – любопытствовал Илай, видимо, узнавший о переписке от сидящего рядом верного пажа.

«Нет», – сухо ответила я в манере Джера Бади и погасила магию.

Но по листу вновь пробежала искра, Форстад принялся насмехаться откуда-то из другого конца замка:

«Вдруг я смертельно ранен?»

Ну да, издыхающий аристократ дрожащей рукой пишет записку, высасывает последние силы, чтобы заколдовать птичку, лишь бы бывшая подружка сбежала с занятий и успела к последнему сипу, а лучше на хрупких плечах дотащила до лазарета. Очень логично.

«На погребении прочту трогательную речь», – сердито ответила я.

«И все?!»

«Очень трогательную речь».

Коэлу, конечно, писать не стала, много чести.

Когда я вышла из кабинета, то первым делом выкинула пустую записку в урну, где ей было самое место. Если кто-то надо мной просто шутил, то, как показывал опыт выживания в старшей магической школе, не можешь укусить противника – гордо проигнорируй. Он устанет ждать и расхочет шутить.

В столовую пришла последней и с удивлением обнаружила за нашим столом неожиданное оживление, какого не наблюдалось с самой осени. Помимо моих друзей на обед собрался цвет аристократии в полном составе, в смысле, в количестве трех штук. Если Илай с Дживсом и раньше не пренебрегали местной кухней, то присутствие Троя Остада по-настоящему удивляло. Может, под домашний арест в качестве наказания посадили?

Пристроившись на край стола, я немедленно полюбопытствовала:

– Тебя вчера поймали?

– Нет, – с непередаваемо надменной рожей отозвался он.

– Десять соримов – и ты невидимка, Эден, – прокомментировал Илай. Вообще-то он читал газету, будто сидел не в академической столовке, а в отцовском особняке возле камина, и не потрудился оторвать взгляда от статьи.

– Остальные – в шкаф, – фыркнула я.

– Лучше бы я остался с Остадом, – проворчал Дживс и показательно шмыгнул носом, намекая, что по-прежнему страдает от аллергии на жасминовое благовоние. Хорошо, не достал платок и не попытался высморкаться, точно выгнали бы обедать под стол без права возвращения на поверхность.

– У тебя были деньги? – удивился Трой в свою очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/efiminyuk_marina/kvest-akademiya-magicheskie-rebusy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)